

Искусство Водьмовства

ОБУЧЕНИЕ

ЕКАТЕРИНА БОГДАНОВА

16+

Екатерина Богданова

Искусство ведьмовства. Обучение

«Автор»

2018

Богданова Е.

Искусство ведьмовства. Обучение / Е. Богданова — «Автор»,
2018

Весения - юная необученная ведьмочка, по воле отца попадает в единственную на всё Семиречное княжество школу ведьмовства. Что ждёт её на пути познания своего дара? Сможет ли слободская девчонка прижиться в столичной школе? А тут ещё и зло древнее пробудилось, как всегда некстати. Старого магистра сила тёмная загубила, а нового Веся сама прибьёт, коли ерепениться будет. Внимание! Необычный стиль повествования, славянизмы, старорусский.

© Богданова Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава первая: Ух, летаем!	6
Глава вторая: Эх, долеталась!	12
Глава третья: Летают тут всякие!	17
Глава четвёртая: Я не умею летать, я только учусь!	26
Глава пятая: ЛЕТАЛЬНЫЙ исход.	33
Глава шестая: Взлететь и не разбиться...	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Екатерина Богданова

Искусство ведьмовства. Обучение

ПРОЛОГ

Сгорбленный седовласый старик с длинной белой бородой медленно брёл по тускло освещённому коридору. Растоптанные тапки гулко шаркали по каменному полу, полы не запахнутого халата развевались, будто старец не тащится, едва переставляя ноги, а бежит, словно нетерпеливый юнец на свидание. Уже часа два, как перевалило за полночь, а он всё бродил и бродил по пустым коридорам, будто ища что-то, или заблудившись по старческому слабоумию. Но так про магистра Матфия мог подумать только совершенно незнакомый с ним человек. В действительности этот, измождённый на вид, дряхлый старик был одним из сильнейших магов княжества. Ему не составило бы труда лёгким взмахом иссушенной возрастом руки уничтожить без следа целое войско. Да только Матфий ещё несколько десятилетий назад отрёкся от жестокости и зла, в любой их форме, потому-то и смог достигнуть небывалых высот в магическом искусстве. Да что там магия! Сам факт, что он, будучи магом, да мало того, ещё и мужчиной, являлся основателем и покровителем школы Ведьмовства при стольном граде Златаре, единственной школы для урождённых ведьм во всём Семиречном княжестве, говорил о многом.

Но сегодня Матфий не ощущал в себе магического всеислия. Все послушницы и наставницы уже давно мирно спали, домовые закончили с наведением порядка и скрылись в стенах старого замка, и даже духи успокоились, добросовестно исполнив свой долг по стонам и завываниям в полночь. И только старец всё бродил и бродил по ночным коридорам, тщетно борясь с беспокойством, посетившим его этим вечером, да так и укоренившимся в груди гнетущей щемящей болью. Магистр чувствовал, что грядёт нечто непоправимое, но не спешил поднимать панику. Кому, как не ему, было знать – когда и как придёт его конец. Матфий остановился возле лестницы, посмотрел наверх, на второй этаж, где спали послушницы, печально вздохнул и свернул в ведущий к оранжерее коридор. Там-то его и поджидала смерть. Жестокая, коварная и беспощадная.

Спустя несколько минут замок огласил многоголосый вой духов, к которому в скором времени присоединились женские и девичьи причитания. Старого магистра Матфия любили все. Сейчас же его изуродованное, будто диким зверем растерзанное, окровавленное тело лежало посреди коридора, и все обитательницы школы Ведьмовства при стольном граде Златаре почувствовали себя осиротевшими. Только матушка Евдора не позволила себе проронить ни слезинки. Старушка молча вышла на двор, подметив, что защитные заклинания не были потревожены, подняла испещрённое морщинами лицо к ночному небу и тихонечко посвистела. Через минуту из ночной мглы на её руку спорхнула голубка, белая, словно снег, с кроваво-красными клювом и лапками – вестник смерти. Евдора погладила голубку, вздохнула и прошептала:

– Скоро и по мою душу ты прилетишь, курлатая.

После чего матушка шепнула заветные слова и взмахнула рукой, отправляя вестника с посланием в магистрат.

– Ох и тяжкие времена грядут, – покачала головой старушка, провожая взглядом растворяющуюся в темноте голубку. – Ох и страшное зло пробудилось.

Глава первая: Ух, полетаем!

– Веська, слезай! – в который уже раз прикрикнул батюшка, глядя на меня с укором.

– Ы-ы-ы, – ответила я.

– Слезай, кому говорю! Выпорю! – погрозил кулаком батюшка.

– Так её, батя, так! – загоготал Яська, мой младший братец.

– А ну в дом ступай, нето тоже выпорю! – велел ему батюшка.

Ясень показал мне дулю и убежал со двора.

– Всё равно за Тарася не пойду! – выкрикнула я, покосившись на кадку с прутьями, которые сама же намеревалась замочила. Не ко времени я собралась корзин наплести, ой не ко времени.

– Слезай, договариваться будем, – вроде как уговорил батюшка.

– Не могу-у-у, – завывала я, ещё и ногами горбунок обхватив. – Боюсь-а-а!

– Тьфу, срамota! – сплюнул и нахмурился пуще прежнего батюшка. – Ты как, дурёха, туда залезла? Опять мерзость свою выпустила?

– Что ты, батюшка, откуда? Нету её, мерзости той. Как тётка Паласья отшептала, так и нету, – помотала я головой.

Батюшка нахмурился, почесал затылок и пошёл со двора.

– Эй! А я? – проблеяла ему вслед.

– Сиди уже, держись. Сейчас сымем как-нибудь, – махнул он рукой.

Фух, неужто поверил? Тётка Паласья с меня шкуру сдерёт, коли батюшка узнает, что никуда моя мерзость и не делась. Мы ж с ней сговорились, а тут такое. Когда, на одиннадцатом году, из меня мерзость полезла, батюшка сразу нашу слободскую шептунью позвал. Тётка Паласья пришла, глянула на меня, и велела всем выйти вон. А как мы одни остались, так сказала:

– Ты, Весения, девка смекалистая. Так слушай и запоминай. Мерзость твоя никакая не мерзость. Ведьма ты. И прабабка твоя ведьма была, деду и батьке не передалось, не по мужику те силы, а с тобой вот народилось. И не отшепчу я тебе, такое ни заговором, ни травами не отобьёшь. Но батька тебя поедом есть будет, ему же не втолкуешь. Так давай сговоримся – я ему скажу, что отшептала, а ты дурой не будь, силу не показывай. Не ты первая, если держать себя будешь, глядишь и замрёт силушка-то ведьмина.

Сговорились. Батюшка, как и условлено было, целый золотой тётке Паласье отдал, а я больше силу и не показывала. Семь лет держалась, а тут батюшке приспичило.

– Ты, – говорит, – девка большая, семнадцать годков, другие и в пятнадцать уже любят, а ты всё сиднем сидишь. Отдам тебя за Тарася, кузнецова сына. Всё польза в дом будет.

А я ему:

– Не пойду за Тарася! Он рыгает и воняет, аки конь немывтый.

Слово за слово, осерчала, выбежала из дому и сама не заметила, как на крыше очутилась. Взлететь-то взлетела, а как обратно спуститься – не ведаю. Само же получилось. Вот и сижу теперь на коне, да горбунок обнимаю. А страшно-то как!

Снимали меня всей слободой. Люду набежало, на невидаль такую поглазеть. Лесенку поставили, да она только до края крыши, а дальше подманивать принялись. Батюшка и так и эдак увещевал, и сарафан новый в городе купить обещался, и от работы по хозяйству на неделю освободить. Ну а я не будь дурой да и скажи:

– Не пойду с крыши, коли за Тарася отдать не откажешься.

Батюшка плюнул, махнул рукой и изрёк:

– Твоя взяла, не пойдёшь за Тарася!

Тут уже я и поползла. Сарафан изодрала, исподнее всей слободе показала, но слезла.

Батюшка тут же всех разогнал, ворота запер, а меня в дом погнал. Матушка со слезами обняла, да причитать принялась:

– Как же ты так, кровиночка моя? Да за что же наказание-то такое?

А батюшка как зыркнет на неё, она и вышла на двор.

– Сил моих на тебя не осталось, Веська, – упёр родитель кулаки в бока. – Завтра же Сергуньку запрягу и свезу тебя в столицу. Не хочешь за Тарася идти, так в школу ведьминскую пойдёшь!

– Как в школу? Зачем? За что? – вскинулась я. – Нету у меня мерзости!

– Ты мне это брось! – прикрикнул батюшка. – Думаешь, я не ведаю о твоих проказах? То цветни под окном за ночь нарастают, то утопленницей на мостках всплываешь, а бабы после по слободе горланят.

Ну было, один разик всего-то! У нас по слободе байки ходят про утопленную деву, которая, если кому покажется – мужниной ласки не жди. Откуда ж я знала, что на мостках бабы тряпье полощут? Я думала, то девки купаться пришли, вот и всплыла. И вообще, это два года тому назад было, нашёл что вспомнить! А с цветами так и подавно само вышло.

– Это не я! – открестилась от содеянного.

– Ты батьку-то дураком не держи! – насутился родитель. – Мать тебя грамоте обучила, вот и будет с того хоть какой-то прок. А коли не выгонят, так отучишься, вернёшься, там и сама себе мужика выберешь. Учёную ведьму в любой дом возьмут.

– Батюшка, миленький, не надо меня в столицу, не хочу я учиться, – запричитала я. – Сам же говоришь, выгонят меня.

Даже слезу выдавила, одну, да толку с того.

– Я своё слово сказал. Собирайся, да много тряпок не бери. Дам тебе монет, там ихнее, столичное возмёшь, – обрубил батюшка, и вышел вон.

Тут же прибежал Ясень, весь такой довольный, аж прибить захотелось.

– Веська, а ты опосля меня в столицу заберёшь?! – радостно заголосил он.

– С чего это? – подбоченилась я.

– Ну ты же ведьма! Обучишься, а там при князе служить станешь. И меня к себе возмёшь! Я тоже во дворец хочу, – принялся он скакать по кухне, да так, что черепки забренчали.

– Ты сперва грамоте обучись, да подрасти маленько, – улыбнулась я.

– Да не обучишься ты, – обиделся Яска. – Выгонят тебя, дурёху!

– А вот и обучусь! И в столице останусь. А ты сиди здесь сиднем, дурень неучёный, – насутилась я.

– Не обучишься, не обучишься. Попрут тебя, попрут! – показал он язык и убежал, пока чем сподручным не огрела.

А мне так обидно стало. Даже этот малец сопливый в меня не верит. Отучусь на ведьму, всем назло отучусь! И не вернусь, не зазря же матушка меня грамоте обучила. Я даже разговаривать по их, по столичному умею. Матушка ведь оттуда, полюбился ей батюшка, вот и пошла за него в слободу. А родители у неё умные, но больно гордые. Отреклись от дочери, не признали её мужика, и с нами знаться не хотят. А я приеду, ведьмой стану и при князе служить начну. Пусть им совестно будет! И летать научусь, как положено, чтобы с крыши не на карачках слезать, а спускаться величаво, как и пристало ведьме.

Собирала меня матушка, со слезами да причитаниями, но я заметила, как у неё глаза горят. Видно, что надеется на меня. Она и прежде порой заговаривала про столицу, да батюшка всегда от разговоров тех больно серчал. А теперь матушка, по всему, надеялась, что эта оказия поможет ей детей из захудалой слободы в мир вывести.

– Вот отучишься, получишь грамоту, и устроишься в Златаре на престижную работу, – тихо говорила она, расчёсывая мои непослушные волосы перед сном. – У меня сердце болит,

так страшно отпускать тебя одну. Но это к лучшему, ты достойна большего, нежели жизнь в нашей Уточной слободке. Я знаю, что ты сможешь. Как же я рада, что ты не влюбилась ни в кого из местных.

– Мам, а ты жалеешь, что за батюшку пошла? – спросила я.

– Нет, не жалею. Но вам с Ясенем хочу лучшей жизни, – с тоской улыбнулась матушка. – И не батюшка, а отец. Помнишь, как я учила тебя разговаривать? Вот так и говори, когда в школу приедешь. Позабудь про местный говор, и про традиции слободские. Там всё иначе, там совсем другая жизнь. Тебе понравится. Но помни, никому нельзя верить на слово. И деньги свои никому не доверяй, а уж жизнь и подавно. Пиши мне почаще, к нам почтарь раз в неделю заезжает, вот и пиши каждую неделю.

– Хорошо, мама, – прошептала я, давась слезами.

Уезжать из отчего дома было страшно, но столица манила новыми впечатлениями и перспективами, как сказала бы матушка. За разговором с мамой я и не заметила, как и думать иначе стала, и речь столичную припомнила. Но родное, с детства впитанное, слободское житьё так просто из себя не выдерешь.

– Матушка, а коли выгонят, батюшка меня назад не примет же? – спросила, глаза опустивши.

– Ты мне это брось! – погрозила гребнем мама. – Постарайся уж там, чтобы не выгнали. И не сдерживайся. Я знаю, что сила ведьминская в тебе сильна. Поспрашивала тут у стариков, прабабка твоя была могущественной ведьмой, но она не училась, от того и пошла по тёмному пути. Поэтому и отец твой эту силу мерзостью называет. Наслушался от родни, вот и боится. А ты не бойся, не зря же князь ведьм признал и на службу княжеству приспособил. Тебе досталась редкая, можно сказать бесценная сила, вот и пользуйся ей с умом. А сейчас ложись, отец телегу засветло приготовит, даже с Ясенем не попрощаешься, спать ещё будет.

– Я не подведу тебя, мама, – прошептала, крепко матушку обнимая.

– Вот и хорошо, а я тебе напишу записочку. Глядишь, получится с моими родителями увидеться, – погладила меня по спине матушка и ушла.

А я осталась одна, со своими думами да переживаниями. Привычная слободская жизнь закончится уже часов через шесть, а я так и не успела с подругами распрощаться, не сходила на пруд любимый, не сказала Мартыну, сыну кожевника, что он мне нравится... А может и хорошо то, что не сказала? Может, так и должно было случиться? Не нашла я место по себе в слободе, так может статься и не место мне тут. Поживём – увидим. А коли и в ведьмовской школе не пригожусь, так за Тарася пойду, всё равно больше никто из местных девок на него не позарится. Пуцай Тарась-парась меня дожидается. Ежели я и на ведьму не сгожусь, так туда мне и дорога, за этим свином жизнь маяться.

Подняли меня засветло, батюшка сложил на телегу два узла с тряпьем, усадил меня сверху, обождал, пока матушка, обливаясь слезами горючими, давала последние напутственные слова (записку для своих родичей она мне тайно в руку сунула), и мы выехали со двора.

Путь до столицы был долгий. Часа через два мы добрались только до нашего городка Приточного, там батюшка заехал к местному торгашему, обменял шкуры и сушёные ягоды на монеты, тут же отдал мешочек с ними мне, и мы поехали дальше. Ночью я так и не сомкнула глаз толком, потому и сморилась. А проснулась только на вечерней зорьке, когда мы уже в столицу заехали.

– Вот это городище, – шептала я, вертя головой. – Нечета нашему Приточному.

Вкруг было столько народу, повозок, и карет даже, каких я сроду не видала, что у меня от волнения ком в горле встал, да сердце зашло. А дороги! Дороги-то были и не пыльные нака-
таные, а выложенные камнем. Люд весь такой нарядный, и фонари! Настоящие фонари! Мне мама про них рассказывала. Это когда на высоком, в два роста, столбе привешан такой квад-

ратный короб со стеклянными стенками, а внутри горит... нет, не огонь, а самая настоящая магия! И никто не ходит от столба к столбу с огнём, они все враз загораются, от заклинания.

– Батюшка, а может, ты передумаешь? – взмолилась, испугавшись всего такого нового и непонятного. – Я подумаю про Тарася, может и сложится.

– Поздно, Весения, – покачал головой батюшка. – После твоего срама на крыше Тарась уж не хочет тебя брать.

– Ах так! Не хочет, значит? Ну и поехали тогда в ведьминскую школу! – взбеленилась я.

Надо ж, горе какое, Тарась от меня отказался! Да я и сама за него не пошла бы!

К школе мы подъехали уже затемно, но Златар ещё гудел, тут люди не ложились спать с заходом солнца. Ворота оказались закрыты, но батюшка постучал, и к нам вышла дряхлая такая старушка, прямо таки заморенная. Дунь на неё и рассыплется.

– А ты попробуй дунуть, – вместо приветствия проговорила она, с улыбкою на меня глядя.

– Ой, – пискнула я, и спряталась за батюшку.

– Здравия вам и долголет, – поклонился батюшка бабушке.

– И тебе не хворать, мил человек, – ответила старушка.

– Вот, привёз вам ведьму на обучение, – проговорил отец, и отошёл в сторонку.

А я не успела следом ступить, чтобы и дальше за его спиной прятаться. Так и замерла под взглядом старушечьим пристальным.

– А с чего ты взял, что твоя дочка нам подходит? – сощурилась бабушка.

– Так мерзости в ней полно. Давеча сам её с крыши сымал. Взлетела, а слезть ума-разума не хватило. На всю слободу дом наш позорит девка. То утопленницей всплывёт, то ещё чего утворит. Парни её брать отказываются, да и сама ерепенится. Несподручно мне с ней, вот и решил свести к вам.

Пока батюшка всё это говорил, я успела покраснеть от стыда, задохнуться от обиды, и под конец разревелась. Ну за что ж он меня так не любит-то? Я же пыталась, семь лет держалась, мерзость старалась не показывать. А он...

– Ясно всё с вами. Давай сюда вещички, бумажонки какие, если есть, и пошёл вон! – осерчал проговорила старушка.

Батюшка растерялся, покосился на меня, упёр кулачищи в бока и уже открыл рот, чтобы возмутиться, а бабушка возьми и перебей его.

– Ты, мужик, езжай, откуда прибыл. А с дочкой твоей мы сами сладим, – произнесла она. – Не трави ты ей душу больше, и так отравил знатно.

Батюшка глянул на меня, приметил, что я реву, руками всплеснул, некультяпо обнял, смачно поцеловал в лоб, сгрузил мои узлы наземь, всучил бабушке мою именную бумагу и, пожелав напоследок не опозориться, уехал, остервенело Сергуньку погоняя.

– Ну что, моя хорошая, натерпелась ты, как я погляжу? – спросила старушка. – Ты забудь про прошлое. Вот как войдёшь в эти ворота, так новая жизнь у тебя и начнётся. Идём, идём, девочка.

– А узлы? – растерянно спросила я, чрез слёзы провожая взглядом отчую телегу.

Батюшка так и не оглянулся. Уж не ведаю, напугала ли его эта бабушка, или стыдно было к непутёвой дочке чувства показать, да телега так и скрылась за поворотом, а я всё стояла и смотрела на пустую подъездную к школе дорогу. А мимо неё катили кареты, да люд столичный прохаживал, для них меня будто и не было.

– Занесут твои узлы, – махнула рукой старушка. – Иди за мной, девочка.

Мне и осталось что только послушаться, не за батюшкой же бежать, всё равно не примет.

– У нас, вообще-то, набор уже закончился, но от такого родителя я тебя с радостью сама в послушницы возьму, если другие наставницы не позарятся, – проговорила бабушка. – Зови меня матушкой Евдорой, деточка. Сегодня уже проверять тебя не будем. Поспишь у меня, а

завтра определим, куда тебя пристроить. В крайнем случае, если силы ведьминские слабые совсем окажутся, останешься служкой, будешь мне помогать за школой приглядывать, пока нового магистра не назначили.

– Так меня могут и не взять в обучение? – испугалась я.

– Там видно будет, всё от потенциала зависит, – пожалала сухонькими плечами старушка. – Ведьмовство я в тебе чувствую, но, пока проверку не пройдёшь, не узнаем. Сила ведьминская она такая, иногда может и спонтанно проявляться, не имея постоянной основы. А без врождённого таланта и стабильной силы в обучении не место.

Вот я угодила! А ежели не подойду? И что же тогда, всю жизнь в служках ходить? Вот тебе и столице, такими путями мне до княжеского дворца и к старости не добраться.

Матушка Евдора провела меня по тёмным проходам до своей комнатки, маленькой такой, у нас курятник и то больше будет, указала на кровать, велела ложиться спать и ушла.

Ну вот, даже и рассмотреть ничего не получилось. И спать совсем охоты нет, какой тут сон, коли вокруг такое творится. Да и выпалась я за день-то. Присела на краешек кровати, сложила руки на коленках и призадумалась крепко.

– Весения, просыпайся, – за плечо меня трясти кто-то принялся.

Тут же вскочила, как ошпаренная, испуганно поозиралась и со звучным «хуух» присела обратно.

– Утро уже, девочка, наставницы сейчас соберутся. Кормить тебя пока не будем, на голод сила лучше идёт. Ты пока готовься, а я пойду предупрежу. Пришлю потом за тобой послушницу.

И матушка Евдора вышла. А я осталась. И как готовиться-то? Чего делать? Хоть бы подсказала что да как. Про ведьмовство я ничего и не знаю, потому принялась повторять грамоту, которой матушка обучила. Цифры и буквы перебрала все, в слова и суммы поскладывала. К тому времени, как принялась городов больших названия перебирать, косу переплетая, в комнату влетела какая-то девка в чёрном платье до пола и с чёрной лентой в волосах.

– Не девка, а послушница, в крайнем случае, девушка, – наставительно проговорила она.

– Да что же это делается-то? Я же только подумала... – пробурчала я.

– Вот поступишь, научишься, и никто твои мысли видеть не будет, – улыбнулась она.

– А я буду? – подхватила я. – Вот так прям и всё, об чём другие думают, буду видеть?

– Не всё, конечно, но, при желании и с допуском да, будешь читать чужие умы, как раскрытую книгу, – улыбнулась она. – Но только если до высшей ступени дойдёшь, а это мало кому дано. Я пять лет училась, чтобы самые явные мысли у незащищённых начать видеть.

– Ух ты! – только и смогла выдохнуть я.

– Пошли уже, там тебя заждались, – усмехнулась ведьма. – Ты уже выдающаяся личность, если смогла матушку Евдору уговорить принять тебя после окончания набора. Вообще тебе очень повезло, магистр Матфий не допустил бы такого, да и следующий магистр вряд ли согласится отступить от правил.

– А где эти ваши магистры? – испросила я.

– Убили нашего магистра Матфия, но нам об этом говорить запрещено. А нового ещё не назначили, – с грустью проговорила ведьма.

– Как убили? – испугалась я.

– Иди за мной, – насупилась она. – И не болтай лишнего.

Пришлось обождать с расспросами, интерес подальше за пазуху спрятать, да идти за вредной ведьмой. Вот не зря батюшка их не любит, противные они, ведьмы эти.

Сейчас, при дневном солнышке, я смогла разглядеть школу получше. Замок, как есть замок! Кругом серые каменные стены, потолок высокий такой, и окна большие, цветастыми стёклами закрытые. Красиво, но непривычно. А потом мы вышли из узких проходов с окнами

и очутились будто в волшебном царстве – огромный зал, весь такой светлый и яркий, на стенах какие-то картины, и лесенка широкая посредине из разноцветного камня. Красота-а-а!

– Ты вообще откуда такая дикая взялась? – посмеиваясь, ведьма испросила.

– Из Уточной слободы я, что при городе Приточном, – как на духу ответила я.

– Да ты хоть читать-то умеешь? – ведьма губы кривить принялась.

– Умею. Я грамоте обучена, и говорить умею по-вашему, но тут такое, я и растерялась, – закрасневшись, призналась я.

– Прекращай смущаться, а то так и вернёшься в свою слободу, – улыбнулась ведьма. – И зови меня Марсой, а то всё ведьма, да ведьма.

– А нечего в мою голову лезть, – пробурчала я недовольно.

– Иди уже, – засмеялась Марса, указав мне на дверку, к которой мы и пришли уже.

Открылась та дверь сама. Вот так прям взяла и растворилась предо мной! А та-а-ам, ужас, мрак и что-то невиданное...

Я так и попятилась, наткнулась на Марсу, оглянулась и прошептала:

– Не хочу-у-у.

Марса улыбнулась опять и со всей силушки как толкнёт меня вперёд.

Глава вторая: Эх, долеталась!

Ведьма эта гадкая меня так пихнула, что я пробежала шагов пять, да и брякнулась на коленки. И дверка за мной тут же со скрипом страшным затворилась. А вокруг темень, хоть глаз коли. И в темени этой, чую, притаился кто-то. Я, только как глянула в эту темноту, почуяла неладное. Прямо холодом потянуло. Не зря испугалась.

А тут ещё и это – из темени на меня как кинется какая погань белёсая. Ну я и завизжала, с перепугу подскочила, кинулась к дверке, а её и нет, как не было. Шагов двадцать пробежала, опомнилась, оглянулась – никого.

– Да что ж вы, ироды столишные, творите-то?! – всплеснула руками. – Извести удумали спозаранку?!

А в ответ тишина. По сторонам поглазела, да толку нет – темно ведь.

– И чего? Так и будем стоять? – испросила, уперев руки в боки.

– Ишь какая боевая, – прокудахтал кто-то противным голоском откуда-то сбоку.

Я резво повернулась, а нет и там никого. Не видать, да чую, что нет.

– Это она на словах только боевая, а толку-то с тех слов, – донеслось с другой стороны. – Брехливых девок завались, да ведьмы среди них не водятся.

– А ты морду свою покаж, я те поведаю, кто здесь брехливый, – взбеленилась я и рукава рубахи вверх потянула, чтобы кровякой не заляпать.

Знаю я таких петухов, они только и могут что кукарекать, а как до дела дойдёт, так в кусты. У нас в слободе тоже такие водятся, так я их на раз на место ставила. Ведьмина сила тут без нужды, и так по роже надаю.

– Ты смотри-смотри, Дар, она тебя бить собралась, – принялся гоготать первый.

– Ой, Сил, боюсь, – заржал второй.

– А она-то не боится, – первый.

– Не порядок, – второй.

И как завоет всё, как закружится. Белые тени вокруг заматались, холодом могильным повеяло. У меня руки и опустились. Страх обуял, зуб на зуб не попадает. Села, сжалась вся и заревела. Домой хочу, к матушке.

И вдруг слышу, плачет кто-то рядышком совсем. Голову от колен подняла и вижу – малец стоит, не старше Яськи моего, коленки в кровь изодраны, ручонка одна плетью висит, а второй он сопли по мордашке размазывает и ревет. Глазищи большие, страха полные.

Бросилась к нему, обняла, к себе прижала, а сама коршуном по сторонам гляжу.

– Вы что, ироды, творите?! Пацана не трожте! – выкрикнула в темноту.

– А ты помешай, – загоготал голос постылый в ответ.

И на нас сразу две тени белые понеслись. Я мальчика собой прикрыла, руки вперёд выставила и заорала, что мочи есть. Чего ору? От страха ли, али для устрашения – сама не уразумела. Но тени шагах в пяти от нас будто на преграду какую наткнулись, завизжали поросями, заохали и разлетелись ошмётками в стороны.

Тут же и свет вспыхнул, я ослепла сперва, попятилась. Натолкнулась на стену спиной, присела и принялась глаза тереть. А рядом кто-то заголосил, запричитал и заохал.

– Да как же так?!

– Не может такого быть!

– Невозможно!

Причитали какие-то тётки и бабки. Я принялась оглядываться, ища пацана пораненного, а его и нет. Стою в светёлке, стену подпираю, а на меня глазееет толпа ведьм. Растерянные все такие, с укором да опаской на меня глядят.

– Матушка Евдора, не к добру это, – покачала головой одна ведьма молодая.

– Не сладить нам с ней, – поддакнула ей другая, совсем сухонькая старушонка.

– Это неслыханно! Сам магистр Матфий этих фантомов создавал, и они нам не один год служили, а тут такое! – всплеснула руками ведьма статная в летах.

– Цыц, сороки, – тихо проговорила Евдора. – Девочка сама напугана, а вы развели базар.

– И что мы с ней делать-то будем? – подала голос ещё одна ведьма.

– Весения прошла проверку, ведьма в ней сильна, – спокойно изрекла матушка Евдора. – Кто-нибудь хочет взять её в послушницы?

– Да как же её взять-то? Какая сила? – спросила старушонка дряхлая.

– Я к себе не возьму, боевых качеств она не проявила, – заявила одна из ведьм, грозная такая, со шрамом на щеке.

– И к целительству у неё предрасположенности нет, – покачала головой другая, худенькая и бледная тётка годов сорока.

– Силы земные она не призывала, не моя послушница, – ещё одна ведьма.

– И воздушных сил я в ней не вижу, – высказалась следующая.

Дальше они снова заговорили все разом. И вся их болтовня к одному сводилась – нет у меня ни воздушной силы, ни огненной, ни ментальной (кто бы ведал, что это такое?), ни созидательной (тоже зверь неведомый), ни временной, ни светлой, ни тёмной, и вообще никакой.

– Таринья, тебе слово, – перебила гомон Евдора.

– Уж не знаю, что это была за сила, да только не щит это был. Не защитница она, – сложив руки за спиной покачала головой пожилая ведьма с жуткими светло-серыми, почти белыми глазами.

– Ясно. Идите, завтрак скоро закончится, не будем лишний раз пугать послушниц отклонением от графика, – махнула рукой матушка Евдора.

И ведьмы потянулись к двери, возле которой я и жалась к стенке. Все такие осерчалые, брови насупили, на меня с укоризной поглядывают. Длинными подолами чёрных платьев пол подмели и вымелись вон. А я осталась, неприкаянная, никому не угодившая и ни к чему не пригодная.

– Подойди, Весения, – позвала меня матушка Евдора.

Я несмело подступила к ней, опустила голову и приготовилась к отповеди. Видно же, что не то сотворила, ругать сейчас будут.

– Успокойся, не буду я тебя ругать, девочка. Я поговорить с тобой хочу, – похлопала меня по плечу старушка.

Я зыркнула на неё исподлобья, но злобы в глазах не заметила. Успокоилась чуть и поглядела уже смелее.

– Присаживайся, Весения, – указала на стул возле длинного стола Евдора.

А как я села, так устроилась рядом и испросила:

– Можно называть тебя Веся?

– Можно, – улыбнулась я чуть. – Меня мама так кличет.

– Так вот, Веся, а Расскажи мне, как впервые твоя сила проявилась, – попросила матушка Евдора.

Я призадумалась, потеряла косу и заулыбалась.

– Не бойся, рассказывай, – поторопила меня бабушка.

– В общем так, дело было по весне, мне как раз одиннадцатый год только пошёл, – начала я. – Бык наш тягловый, Дудонька, на пашне ногу подломил и батюшка его забить удумал. А я больно Дудоню любила, он, знаете какой ласковый был, с рук ел, а глазищи такие большие, чёрные, как ночка безлунная. Принялась я просить лекаря позвать, да кто ж меня малую послушает. Забили Дудоньку, прямо на дворе, пред кухонным оконцем. Матушка воду грела и поглядела меня, а я всё видала. Выбежала на двор, на батюшку бросилась, кричать начала да руками махать. Потом к Дудоне кинулась, припала на тёплый ещё бок и заревела. А Дудоня

возьми и растворись, как туман поутру. Батюшка сперва растерялся, а потом осерчал больно, мерзостью окрестил и в дом погнал. Три дня не выпускал меня из дому и корил за то, что кровь поганую переняла. Я тогда ещё не знала, о чём он. Это потом уже мне порассказали, что прабабка у меня ведьмой была.

– А дальше что? – подалась вперёд Евдора.

– Дальше? А дальше, через три денёчка мне батюшка приволок сучонка замершего, псина наша дворовая, Тявка, принесла и приспала. А батюшка мне, девке малой, этого детёныша замершего к ногам бросил и спрашивает: «И его приберёшь?». Я, как на эту кроху глянула, так ноги и подогнулись. Упала на коленки да заревела над щеночком. А он возьми и разойдись туманом утренним. Вот тогда батюшка и позвал шептунью нашу слободскую. А она уже поведала мне, что я ведьма, и не отшептать это ни травами, ни заговорами. Мы с ней сговорились, что я буду себя держать, а она батюшке скажет, будто убрала мерзость.

– И что, больше ты силу не показывала? – дугой бровь белую матушка Евдора выгнула.

– Ну бывало... – засмушалась я совсем.

– Говори, не бойся, – улыбнулась старушка.

– У подружки моей матушка от хвори зимней умерла. Дарька так ревела, так горевала. И мне её горе отозвалось в душе, тоже реветь да горевать принялась, за подругу-то. Весь вечер у оконца открытого просидела, воздухом студёным слёзы охолонить пыталась. А поутру под окномцем из снега цветни и повылезали, да зацвели. К ночи, правда, вымерзли, да батюшка приметить успел, – как на духу рассказала я.

– И всё? – сощурилась матушка Евдора.

– Ну было ещё, утопленницей всплывала, девок на купании поугаждать хотела, – совсем уж застыдилась я.

– Прямо таки утопленницей? – улыбнулась матушка.

– А чего там? Под мостками посидела, в воду окунулась, представила, как дева та, про которую в слободе сказывают, утопилась с горя, и всплыла. Сама я себя не видала, да бабы потом по слободе кричали, будто чистый покойник к ним из мира иного явился. Я и сама напугалась тогда, потом два года себя держала. А тут батюшка с Тарасем этим, пойдёшь за него, говорит, и всё тут. Ну я и осерчала. Выбежала на двор и подумалось – уж лучше смертью в небо чистое улететь, чем за Тараса идти. Опомнилась уже на крыше, думала и вправду душу там, на коне, оставлю, так напугалась. Вот после этого батюшка меня к вам и свёз.

– Что же мне с тобой делать-то, Весения? – покачала головой матушка Евдора. – Ведьма ты сильная, да сила твоя непонятная. Да и не пробудилась ещё полностью, опять же. И учить тебя некому, и отпустить нельзя. Опасно. Был бы магистр Матфий жив, он бы быстро разобрался – что к чему. А так...

– Вы меня погоните? – хлипнула я носом.

– Не погоню, девочка, – похлопала она меня по руке. – К себе пока возьму. Я, хоть уже и не беру послушниц, но для тебя исключение сделаю, а там видно будет. Может, новый магистр будет таким же сведущим, как Матфий. А нет, так сами разбираться будем. Ты только пока держи себя в руках, как раньше. Я так поняла, силу ты чувствуешь, и удержать можешь?

– Не то, чтоб так и чувствую, но когда она наружу рвётся, понять и унять могу... вроде как, – неуверенно ответила я.

– Вот и унимай, пока мы не разберёмся – к чему твоя сила пригодна, – погладила меня по плечу матушка Евдора. – А сейчас пошли, накормлю тебя.

Вот от этого я не откажусь! Как дома поела перед крышей, так больше и не видала ничего, кроме воды. Мама с вечера покормить хотела, да ломоть в горло не лез, и на дорогу нам с батюшкой собрала узелок, но я проспала ведь всё.

– Вот тут у нас общий зал, – расписывала матушка Евдора, ведя меня по красивому большому залу с картинами. – Здесь мы принимаем посторонних и гостей. Там, – махнула она

на цветастую лесенку, – у нас комнаты для обучения. А здесь столовая, – и повела она меня к большой двери под лестницей. – Завтрак в восемь утра, обед в два, ужин в восемь вечера. Но, если что, покормить могут в любое время. В комнаты еду старайся не таскать, домовые этого не любят. А если берёшь что, съедай побыстрее.

– Домовые?! – выпучила я глаза.

– А то ты в своей слободе про них не слышала, – усмехнулась Евдора.

– Слыхать-то слышала, да то ж байки, – заулыбалась я.

Думаешь, бабушка, ежели я из слободы дальней, так совсем дурочка? Домовыми попу- гать решила? Ага, бреши больше!

– Привыкнешь со временем, – покачала головой матушка.

– Ну-ну, скажите ещё, что у вас тут и духи усопших водятся, – хмыкнула я.

– Ох, сколько раз я говорила магистру, что пора уже по всему княжеству науку магиче- скую нести, а всё без толку. Так и бродит наш люде в неведении. От того и отец твой жизни тебе не давала, Весения, что не знаете вы многого, – принялась вздыхать матушка Евдора.

– Что, и духи водятся? – напугалась я.

– Они безобидные, – успокоила меня старушка. – Мы им разрешаем в полночь пошалить немного в коридорах, а в основном их и не видно, и не слышно.

– А на что они вам сдались? Вы же ведьмы, уgomонили бы, – с опаской озираясь по сто- ронам, испросила я.

Только духов мёртвых мне и не хватало! Это ж страх-то какой!

– Духи нас охраняют, берегут покой замка, следят за тем, чтобы лишняя сила не выходила за его пределы. Мы же ведьмы, а у необученных ведьм случаются иногда неконтролируемые выбросы силы, вот духи её и впитывают. Не будь их, сила уйдёт вовне, и тогда жди переполоха в городе, – пояснила Евдора. – Неужто у вас в слободе ничего такого не случилось?

– Не, у нас всё тихо и спокойно. Слободка маленькая, последняя ведьма как раз моя прабабка и была, да она, говорят, плохо кончила, – пожала я плечами.

– Весения, а ты вообще историю знаешь? – спросила бабушка, указывая мне на стул.

Столовая здесь была красивая, светлая, большая, много столов дубовых, стулья – нечета нашим скамьям, со спинками резными, и цветы кругом в горшках пузатых стоят. А пахло-то тут как! Почти как дома, пирогами и курами, запечёнными в печи.

– Какую историю? – испросила, глаза по сторонам.

– Историю Семиречного княжества и мира, – уточнила матушка Евдора.

– Про княжество мне мама рассказывала, – глотая слюни, ответила я. – А про мир чего говорить, до него вон как далеко.

– И куда только наш князь смотрит? Вся Морена уже на пути просвещения, а у нас так образованием и не занимается никто толком, – покачала головой Евдора.

И как у неё шея не болит всё время головой-то качать? Ну не знаю я какую-то там исто- рию, так Расскажи и дело с концом.

– Трудно тебе будет здесь, Весения, – улыбнулась матушка. – Редко к нам из дальних сёл кого-то привозят. Но тебе ещё повезло. Страшно представить, как обходятся с ведьмами более жестокие и упрямые родители из глубинки.

И тут я призадумалась. А ведь и правда – не одна я такая. Сколько ведьм в слободах так же маются, травят их, да заставляют силу морить. Неправильно это!

– Вот и я говорю, что неправильно, – улыбнулась Евдора. – Но мой век уже подходит к концу, а просвета не видно. Возьму тебя в обучение, может и успею чему научить. А ты уже и будешь отстаивать наших сестёр. Я же тоже из дальней слободки, как и ты. Если бы меня магистр Матфий в своё время не отбил, так и забили бы камнями девчонку неумелую, за то, что на пожарище выжила, да из огня нетронутой вышла.

– Ух ты! – прошептала я, и мощью матушки восхищаясь, и тем, что нам на завтрак принесли.

– Ешь давай, – рассмеялась она, приметив мой голодный взгляд.

Наелась я от пуза, даже поплохело, но последний кусок пирога всё равно в себя запихала. Если у них тут всегда так кормят, то я согласна учиться на ведьму вечно!

– Ну а теперь пошли искать тебе место, – посмеиваясь, проговорила матушка, когда я откинулась на спинку стула и застонала.

– А может потом? Мне и здесь хорошо, – пробурчала, не желая шевелиться.

– А переедание для ведьмы вредно, – покачала головой Евдора. – Сытая ведьма слабее голодной.

– Да я ни с кем силой мериться и не собираюсь, – заявила я, блаженно щурясь.

– Подожди, это ты ещё за умывальню и кровать у окна не билась, – рассмеялась бабушка.

Я открыла глаза и сощурилась.

– А чего, и драться придётся?

– Вот этого не надо! – тут же сдвинула брови матушка Евдора. – У нас драки не приветствуются.

– Ну я терпеть не буду. Ежели чего, могу и в глаз зарядить, – предупредила я.

– Ох, ошиблась я, кажется. Не тебе здесь трудно будет, а нам с тобой, – вздохнула Евдора.

Я прикусила язык свой долгий и опустила голову. И правда, разошлась, как в родной слободе, а отсюда и выгнать ведь могут. Куда я тогда денусь? Батюшка назад не примет, к маминим родичам без грамоты соваться тоже нет толку, а побираться я и не умею.

– Пошли уже, горе ты моё, – проговорила матушка Евдора.

Ох, если бы старушка знала, как она права в этом утверждении, ни за что не приняла бы бедную слободскую девушку под своё крыло.

Глава третья: Летают тут всякие!

Матушка Евдора провела меня по длинному проходу с цветастыми окнами до красивой такой резной лесенки, мы поднялись по ней на второй этаж, где по одной стороне шли частые узкие оконца, а по другой дверки. Она пропустила первые три, заглянула в следующие две и остановилась у третьей.

– Вот здесь есть лишняя кровать. Тут тебе и жить, значит, – поведала мне старушка. – Это спальня послушниц силы целительства. С их наставницей я договорюсь. А ты води себя хорошо. Ни с кем не ссорься, не груби. Целительницы они по природе своей девочки добрые, без повода не обидят. Если что нужно будет, обращайся прямо ко мне. Про обучение после поговоримся.

– А узлы мои? – спохватилась я.

– Будут тебе узлы, – улыбнулась матушка. – Но многого здесь и не нужно. Одежду для учёбы школа даст, а остальное вряд ли подойдёт для выхода в город. Да и не стоит тебе пока никуда выходить. Сначала с силой твоей определиться надо.

И Евдора ушла, а я села на указанную кровать, сложила ручки на коленках и призадумалась. Не попёрли меня и то ладно. А ежели не соврала матушка, то и не попрут. Сила у меня больно страшная, да неведомая, кто ж меня отпустит? А с другого ряда, здесь девок много, и каждая со своей силой и со своим интересом. Не зазря же Евдора про бойню за умывальню сказала. А значит, буду биться. Я себя в обиду не дам. А выгонят, так тому и быть. Уж лучше сгинуть где-то, чем попустить и стать девкой для битья. У нас в слободе есть такие, кому сразу не вышло себя показать, а потом и клюют все, как петухи оголтелые. И поди покажи чего ты можешь, коли уже затоптали. Ставить себя нужно сразу высоко, потом поздно будет, не подымешься.

Вот с такими думами я и встретила послушниц, пришедших с обучения. Пока их не было, я посчитала кровати, всего их было – четыре и моя пятая. Получается, жить мне с четырьмя послушницами. Они-то и пришли, все разом.

– Ой, а ты кто? – спросила низенькая худенькая, прям совсем заморенная девочка с реденькой сивой косицей.

Она первая вбежала в комнатку. В след за ней вошли три девицы, одна другой краше. У первой была толстенная воронёная коса считай до пола, румяные щёки и круглые бока, выпирающие из чёрного платья, как перестоявшая квашня. У второй коса была покороче да пожиже, но глаза янтарные блестели, как блюда начищенные на солнце, а третья оказалась совсем уж неказистой – ручки-ножки короткие, сама как бочонок, глаза тусклые навывкате, губы синие и тонкие, носа и того совсем не видать считай, но вид такой, будто только давеча у князя стояла.

– И кто это тут у нас? – пропищала кубышка коротконогая тоненьким голоском.

– А я теперь жить здесь буду, – сразу обозначила я своё место.

– Это ещё почему? – удивилась квашня.

– А потому, что так матушка Евдора сказала, – поведала ей, выпрямляясь в полный рост и упирая руки в боки.

– Это про неё Марса сказывала, – громко прошептала ясноглазая.

– А, ну да, ты, Фатия, с ней общий язык найдёшь, – пихнула ясноглазую в бок кубышка. – Вы ж обе из деревни вылезли.

– Постыдись, Татина, девушки такие же одарённые, как и мы, – покачала головой квашня. В моих глазах она тут же из квашни обратилась в премиленькую пышечку.

– Да брось, Перла, знаем мы, на что они способны, эти выходцы из низших слоёв, – передёрнула квадратными плечами коротколапая кубышка.

– Ну не скажите. Знала я одну деву из самых низов, которая такое вытворяла, что папёнка был в приятном шоке, – вдруг певуче протянул заморыш, что вперёд других в комнату явился.

– Да кто же спорит, Златания, но мы-то знаем, в чём такие девы обычно преуспевают, – подмигнула заморышу кубышка.

– Не шумите, сороки, – добродушно одёрнула их пышка, которую, как я поняла, кличут Перлой, – Давайте сначала познакомимся.

– Да что с ней знакомиться? Я же вижу, что она не целитель. Златания, ты же не потерпишь лишнюю? – передёрнула плечиками кубышка.

Мне так и захотелось поддеть её ногой, чтоб летела да кувыркалась куда подальше. Но я сдержалась, почуяла – не она тут верховодит. И моя правда оказалась.

– Зачем же так сразу? – улыбнулся заморыш, показывая кривые тонкие зубки. – А вдруг это самородок? Вдруг нам посчастливилось повстречаться с исключительной личностью? Давайте сначала познакомимся.

– Ну если ты настаиваешь, – хмыкнула коротколапая Татина. – Деревня, ты вообще откуда? И чего здесь забыла?

Эта недоросль выступила вперёд, подпёрла квадратные бока короткими ручонками да уставилась на меня снизу вверх, глазками своими поросычьими так и бликая.

– Ох, не туда я попала, как есть не туда, – языком я прищёлкнула, на неё сверху поглядывая. – Я думала, что в ведьминскую школу пришла, а тут никак балаган.

Кубышка покраснела вся, да так, что того и гляди кровь носом пойдёт, заморыш принялся хохотать до слёз, пышечка засмушалась да отвернулась, улыбку ото всех хороня, а ясноглазая открыто засмеялась, показывая мне два больших пальца, сцепленные в замок, что у нас в слободе всегда одно только и значило – молодец, я с тобой. Ну вот, я теперь и не одна! Да и пышечка мне тоже понравилась, уживёмся. С заморышем не всё ясно, она какая-то не такая, как мы – люди простые, но тоже поди можно договориться будет. А с кубышке нам точно не ужиться. Не люблю я задавак, да ещё и таких грязноротых.

– Ну вот и познакомились, – отсмеявшись пропищал заморыш. – А теперь давай установим рамки. Я – Златания, княжна Семиречная, дочь князя и твоя повелительница. Это, – указала она на кубышку, – Татина, моя любимая веселушка. Её трогать нельзя... если я не разрешу. Дальше у нас идёт Перла, – ткнула пальцем тонюсеньким в пышку, – она добрая и приветливая, но такая дурочка! Ей в целительстве самое место. И последняя у нас Фатия, – на ясноглазую головой мотнула, – тоже деревенщина, но наставница в ней души не чает, она у нас целительница прирождённая.

– Ясно, – кивнула я.

– Да ничего тебе не ясно! – с чего-то оскалилась Златания. – Я твоя госпожа. Ты должна подчиняться мне беспрекословно!

– Это с чего? – не уразумела я.

– Я дочь князя! – заверещала она, да так, что у меня и уши застило.

Помотала головой, посмотрела на неё и опять спросила:

– А с чего я тебе служить-то буду? Ты ж не князь.

Худышка заморенная аж посинела, принялась топтать ножонками да махать ручонками. А я на её подруженек глянула да и испросила:

– Ну правда моя, с чего я ей служить-то буду? Она ж не князь, и не батюшка мой. И даже ведьминской школой не верховодит. Ну ладно бы ещё батюшкой была, так я и его через раз слушалась.

Перла и Фатия принялись смеяться в обнимку, они едва не плакали, а я не могла уразуметь – чего не так-то?

– Ты не продержишься здесь и дня, – пообещала мне Златания, и убежала.

- Жди неприятностей, – вторила ей Татина, хлопнув дверкой напоследок.
- Какие у вас здесь все несурзные, – покачала я головой.
- Ты мой герой, – чуть не плача протянула Фатия. – Если тебя сейчас выпрут, помогу устроиться подмастерьем у дяди, он здесь, в столице, пекарем работает.
- Да я тебя к родителям отправлю, они в любую школу устроят, – поддакнула ей Перла. – Мы не приемлем кумовства. Наш род берёт начало от первых князей, но родители всегда говорили, что цена не в имени, а в душе.
- А я не поняла, от чего такой шум-то, – как на духу призналась я.
- Тебя как зовут? – испросила Фатия.
- Весения я, можно по простому Веся, – проговорила, в смущении оглядываясь.
- Так вот, Веся, ты сейчас нагрубила дочери нашего князя. И не говори, что не знаешь про князя, – покачала головой Фатия.
- Да знаю я про князя, – ответила я. – Но мне обещали, что не выгонят.
- Нам всем это обещали, – с грустью улыбнулась Перла. – Но даже у сестёр ведьмовства терпение не безграничное.
- Меня точно не попрут, – насупилась я.
- Откуда такая уверенность? – насторожилась Перла.
- Сказали, что опасно меня отпускать, – признала, со стыда голову понутив.
- Это что же ты утварила? – выпучила глаза свои янтарные Фатия.
- А кабы я ведала, – развела руками. – Марса эта, ведьма, как есть, впихнула меня в комнатку тёмную. А там погань какая-то набросилась, опосля малец появился, побитый весь. Я напугалась и закричала, а погань возьми и разлетись ключьями.
- Как это «разлетись ключьями»? – выпучилась уже Перла? – Ты что говоришь-то?
- А чего?! – попёрла я на неё. – Они меня травить будут, а мне молчать и терпеть?!
- Весения, ты ничего не путаешь? – испросила Фатия. – Тёмная комната это здесь проверка такая, чтобы силу определить. Если сразу в бой ведьма идёт, значит боевая. Если силу какую-то определённую использует, то по этой силе и распределяют. Или в защиту уходит, значит, защитница. Я вот мальчика лечить принялась, и меня на целительство определили.
- И меня тоже, – поддакнула ей Перла. – А нападают там фантомы, они не настоящие. Их магистр Матфий из древних духов сотворил. Не могли они разлететься, бестелесные же.
- За что взяла, за то и отдаю, – пожала я плечами.
- Интересно, кто же ты тогда? – призадумалась Фатия.
- Весения я, из Уточной слободы, – буркнула я.
- Это-то понятно, но какая ты ведьма? – всплеснула руками Перла.
- Нормальная я ведьма... правда не обученная. За тем сюда и свезли, – заявила, уперев руки в боки.
- Ты Златании и Татине об этом не рассказывай лучше, – покачала головой Фатия. – И вообще никому не говори.
- Да, лучше им об этом не знать. Златания может князю пожаловаться, что к ней опасную ведьму подселили, – поддакнула Перла.
- Так она уже побежала жалиться, – заулыбалась я.
- Да кто ж её послушает, – рассмеялась Фатия. – Неспроста же князь её в школу отдал. Больно ерепенистая, вот и пристроил, чтобы пообтесали.
- А вот Татина опасна. Ты не смотри, что она такая маленькая и неказистая. Её с малства учили Златанию защищать. Дара к целительству у Татины капля, она боевая ведьма, – шепотом поведала Перла.
- А чего ж она тогда здесь делает? Матушка Евдора сказывала, что здесь послушницы целительства живут, – невдомёк мне стало.
- То и делает, дочку князеву охраняет, – фыркнула Фатия.

– Да нужны они мне, обе! – всплеснула я руками. – Я сюда обучаться приехала, а не княжну охаживать.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Перла. – И не задирай Златанию лишний раз. Может и не выгонят, а выселить могут. А у нас самый маленький и безобидный набор. И не смотри, что Татина языкастая, а Златания нос задирает, у других ещё хуже.

– Так прямо и хуже? – удивилась я.

– У боевых самый большой набор. Они в двух комнатах живут, по десять в каждой. И бьются за лидерство, на то и боевые, – проговорила Фатия.

– А стихийные вообще опасны: у водных наводнения постоянно случаются, у огненных пожары, у воздушных ураганы, а у земных то пол грязью зальёт, то черви лезут, – подхватила Перла.

– Природные вечно с растениями совладать не могут, а то и звери набегут, – продолжила Фатия. – Созидатели всё время чего-то сотворить пытаются, от того и ходят постоянно все чумазы и пришибленные.

– А про ментальных и говорить нечего. Их здесь все боятся. Да ты с одной из них знакома уже. Марса нам про тебя и рассказала за завтраком, – закончила Перла.

– Вы погодьте, не гоните так, – замахала я руками. – Ментальные, это что за невидаль?

– Это ведьмы, которые могут управлять другими людьми. Они читают мысли, чувства, и вообще способны заставить любого поверить во что угодно, – объяснила Фатия.

– А созидательные? – продолжила я расспрашивать.

– Это ведьмы, которые могут создавать что угодно, черпая силу и материалы из окружающего пространства, – поведала Перла. – Вот захочет такая ведьма превратить камень в скульптуру и превратит. А если захочет из дерева сделать скамью, так и сделает, но дерево загубит. Но это ещё ничего, необученные пытаются одно в другое превратить, а вот это страшно.

– Да, я никогда не забуду, как Маришка из птички ложку сотворила! – передёрнула плечами Фатия.

– И чего, получилось? – выпучила я глаза.

– Получиться-то оно получилось, но ложка из мяса и костей, с торчащими отовсюду перьями и капающей с них кровью, это зрелище не для слабонервных, – поёжилась Перла.

– Так, уяснила чего: ментальные и созидательные самые страшные. С ними лучше дружить, – подвела под одно роказни все я.

Про стихийных я вроде и так всё поняла: огонь, вода, воздух и земля им подвластны, да покуда они учатся, рядом лучше не стоять.

– Дружить здесь лучше всего со Златанией, – понуро ответила Фатия. – Я от неё столько натерпелась, когда только пришла. Но потом ничего, свылась как-то.

– А ты давно тут? – испросила у такой же, как и я, слободской девки.

– Второй год уже, – улыбнулась она легонько. – Ещё этот и следующий, и уйду в княжеские целительские корпуса. Наставница обещала мне грамоту дать хорошую, чтобы в столице остаться.

– А если не в столице, то куда? – не уразумела я. – По городам лекари обычные вроде.

– Так на поле, раненых лечить, – ответила она.

– Это на пашню что ли? Кого там лечить-то? – всплеснула я руками.

– Весения, ты что не знаешь? – удивилась Перла. – Мы же с Далийским королевством за земли воюем!

– Не знаю я никакого далёкого королевства, – насупилась я.

– Не далёкое, а Далийское. У них земли засушливые и они хотят нашу реку Таранью отбить, – глядя на меня, как на невидаль какую, ответила Перла.

– Я тоже ничего не знала, пока сюда не попала, – признала Фатия. – Но если и дальше так пойдёт, то все узнают, когда из деревень и слобод мужиков на войну забирать начнут.

– Не нравится мне ваша школа, домой хочу! – заявила я.

А тут как раз и дверка отворилась.

– Вот и чеши в свою глухомань, деревенщина, – злобно прошипела Златания.

– А мы тебе собраться поможем, – поддакнула ей Татина.

– Ну что вы ополчились на новенькую? Успокойтесь, – уговорить их Перла вознамерилась.

– А нечего здесь у меня свои порядки наводить, – взбеленилась Златания. – Я сказала, она тут жить не будет!

– Ты это мне сказала, али матушке Евдоре? – испросила я, сызнава руки в боки уперев.

– Всё равно уйдёшь, – пропищал заморыш.

– Вот обучусь и уйду, – кивнула я.

– Да плюнь ты на неё, Златочка. Сама вылетит, дура же деревенская, – махнула ручонкой Татина. – А вы, – зыркнула она на Фатину и Перлу, – остерегитесь дружить с неугодной.

– Да у вас здесь неугодных пол школы, со всеми что ли не общаться? – фыркнула Перла.

Фатина промолчала, но мне улыбнулась. И я так решила, не буду просто обращать внимания на этих двух неказистых ведьм. После рассказов девок в другую спальню переходить как-то совсем охоты не было. Уж лучше с этими ужиться, чем мокнуть, гореть, али и вовсе на табуретку пойти.

– А пошли обедать, – предложила Перла, неловко топчась посреди комнатки.

– А пошли, – согласилась я.

Есть мне не хотелось, но и сидеть здесь, с этими клушами, тоже было не с руки.

– А ты, деревенщина, так и пойдёшь в своём замызганном сарафане? – кривляясь, испросила Татина.

– У тебя бы попросила чего покраще, да коротко будет, – ответила я.

По всему, коли на вредность её не глядеть, мне и жалко было бы девку-то такую несуразную, но уж больно язык у неё долог, рост перекрывает.

– Златания хмыкнула, покосилась на подружку и величаво так выплыла из комнатки. Да я подметила, что она улыбается. Для этой княжеской дочки было в радость лишний раз посмеяться над некультипой Татинкой. И как только девка это терпит? Даже жалко её стало. Аккурат до слов:

– Да тебе мои наряды не по размеру, а по статусу не положены.

Хоть и не разобрала толком, что она сказать тем хотела, да что обидеть пыталась – догадалась.

– Вот и хорошо. Мне и так ладно, – ответила ей вслед.

Столоваться мы пошли туда, где я уже бывала. И кормили там не хуже, чем сутра. Наелась вдоволь, не тужа о взглядах со всех сторон, откинулась на спинку стула и протянула довольно:

– Хорошо у вас тут. Вольно. И работать нет нужды.

– Это ты ещё учиться не начала, – хмыкнула Перла. – Вот как занятия пойдут, так и завоешь.

И как сглазила же ведь, языкатая!

В столовую вошла матушка Евдора, поглядела на меня прямёхонько, да поманила пальцем.

– Иди, иди, деревня. Сейчас опростоволосишься, и выгонят тебя, – пожелала мне вдовонку Златания.

– Вредная ты девка, да больно шуплая, плевком перешибёшь, – ответила я ей и пошла за Евдорой.

А княжеская дочка-то всё пыхла мне вослед. Оглянулась и увидала, с чего сопение её слышу. Следом, как собачонка, побежала ведь.

Так мы и вышли из столовой, все разом: я, Евдора, да Златания вредная.

– Матушка Евдора, я не потреплю такого отношения к княжескому роду! – заголосила дочка княжеская, как мы в зале очутились.

– Вот и не терпи, но молча, деточка, – улыбнулась ей Евдора. – Твой отец ясно дал понять, что ты здесь обучаешься на общих условиях. Ещё одна такая выходка и я буду вынуждена отправить князю донесение о твоём неподобающем поведении.

Златания скукожилась вся, как лист сухой покосилась, побелела да и юркнула обратно в столовую.

– Не с того ты начала, Веся, – покачала головой матушка Евдора. – Зачем княжну дозоялешь?

– Она сама начала! – принялась оправдываться я.

– Она начала, а ты подхватила, – наставительно проговорила матушка. – Будь мудрее, не отвечай. Я Златанию держу, но она же может и самому князю пожаловаться, если ты весомый повод дашь. А князь не потерпит неопределённую ведьму в одной комнате со своей младшей дочерью. Да и вообще, не стоит тебе внимание привлекать пока.

– Буду стараться, – опустила я голову.

– Ты не обижайся, Весения. Пойми главное – я тебя приняла, пожалела, но поручиться за тебя не могу. Потому, как сила твоя неизведанная, от того и опасная, – тихо заговорила Евдора. – Пока новый магистр тебя не проверит, нет уверенности, что ты здесь останешься. А ну как заберут? И я заступиться не смогу. Сама я такого не видывала, но магистр Матфий рассказывал, что странных ведьм забирает князь, и потом их уже никто не встречал. На моём веку ты первая такая, неопознанная, и я за тебя буду стоять. Но и сама ты не глупи, сиди тихо. Неизвестно, в какую сторону твой дар повернётся.

Я совсем напугалась от таких речей и дальше плелась за матушкой, едва глядя под ноги. Куда ж ты меня спровадил, батюшка? На что ж подвёл? А ежели неудобна буду, да князь забереёт?

– Погодьте, так князь вас моложе должен быть, – понимание меня остановило. – Как же он кого забирал-то на вашем веку?

– А какая разница? Этот князь моложе, так отец, дед и прадед его были раньше. А за князьями сила стоит большая. Там маги, нечета ведьмам, советниками служат. И маги видят то, чего нам не дано, – шёпотом проговорила Евдора. – Маги – сила нашего княжества. Кабы не они, ведьм до сих пор камнями забивали бы. Только маги нашу судьбу и решают. Я весточку получила только вот, что новый магистр сегодня к вечеру будет. Потому тебя и позвала, готовиться к встрече будем.

Так, за разговорами, мы и поднялись по лесенке цветастой, прошли по широкому светлomu проходу и остановились у дверки неприметной.

– Заходи, Весения, – отворив дверку, велела матушка Евдора. – Здесь мой кабинет, запомни дорогу, и если что, приходи.

Я только головой покачала, тряслась вся от страха, нагнанного речами матушкиными, как травинка на ветру. Напугала меня Евдора, теперь думай думу – когда придут и уведут неведомо куда и зачем.

– Ты раньше времени не бойся, – улыбнулась матушка Евдора. – Сейчас я тебя проинструктирую. Будешь знать, что и как магистру говорить. Я бы тебя вообще скрыла, да знаю, что есть здесь те, кто доложит. Ты пришла не ко времени, и проявила силы недюжинные, а за это ответ держать придётся.

Комнатка, в которую матушка меня привела, была маленькой да такой родной, прямо по сердцу. Половички тканые по полу, занавески простенькие вышитые на окне, скамья, плетённой застеленная, и стол добротный посреди. Евдора указала мне на скамью, отодвинула в сторону стул с мудрёными витыми ножками, который стоял тут же, посередь комнатки, уселась за стол и сложила руки.

– Слушай меня внимательно, Веся, – тихо заговорила она. – Когда магистр тебя расспрашивать начнёт – не бойся. Не трясись и не думай о батюшке с его изводом. Смотри магистру прямо в глаза и отвечай на все вопросы честно. Ничего не утаивай, но и как есть не говори. К примеру, спросит он тебя о проявлении сил твоих, так Расскажи, что по зиме цветы заставила расцвести, но не упоминай о горе, которое тебя на это подвигло. Говори – само так вышло, не думала – не гадала, а зацвели. Или вот с крышей, скажи, что просто растерялась, осерчала и взлетела, да про желание духом улететь не упоминай. А про первый выплеск силы так скажи – напугалась, крови и смерти раньше не видала, вот и пожелала, чтобы исчезло всё это. Поняла?

– Поняла, – прошептала я.

– Ты на меня смотри! – прикрикнула матушка Евдора. – Я себя неведомо подо что подвожу, тебя укрывая. Нехорошая у тебя сила, со смертью связанная. Держи себя, девочка, иначе несдобровать нам обеим. Поняла?

– Да поняла я! – выкрикнула, едва слезам волю не давши. – Не хочу ведьмой быть! Не хочу всего этого, за Тараса даже пошла бы. Не сподручны мне силы такие.

– Поздно, деточка, поздно, – покачала головой матушка. – И никто нам не поможет, если сами не сробимся.

– А вы вот вообще какая ведьма? – испросила я, утирая слёзы. – Ментальная, да?

– Вижу, соседки тебе порассказали, – улыбнулась Евдора. – Но нет, я не ментальная, я ведьма огненная, была когда-то. Да только это разделение не для всех существует. Если захотеть, то со временем, можно в себе развить и другие распространённые способности. Не все, конечно, но половину так точно. Мне уже десятый десяток пошёл, было время обучиться основам всех сил ведьминских. Не всем это дано, но и не каждая захочет. Ведьма одной силы два столетия в молодости прожить может, если беречь себя будет да с умом дарами природы пользоваться, а потом ещё и закат её сил будет вековой. Но это только если она во благо дар свой использует. А коли захочешь во многом умелицей стать, так и плата большая. Я вот решила пойти в услужение школе, спасителем моим основанной, потому и стара уже так. Ведьма она как дерево, землёй питается, коли благодатная почва да благоволит ей природа, так и рост будет. А коли допустишь червоточину в себе, так и съест она, и никакая сила не поможет. Супротив природы назначения идти никогда добром не кончится. Мы не маги, это они силу свою при себе держат, природы не касаются, да подольше живут. А нам, при хорошем раскладе, и два столетия на расцвет дар бесценный.

– Так и два столетия? – не поверила я.

– А ты про свою прабабку что знаешь? – улыбнулась матушка.

– Да мало чего, – пожала я плечами. – Тётка Паласья сказывала, мол, она в слободу пришла уже не девкой. Охмурила прадеда моего, родила сына и сгинула родами, говорят, страшно мучилась да кричала. И невзлюбили её за то, что вся скотина в округе в тот год полегла.

– Прабабка твоя, скорее всего, была тёмной ведьмой старой закалки. Обучала её мать, или бабка. И в слободу вашу она пришла не просто так, а для того, чтобы силу передать. Родила сына вместо дочки, силу передать ему не смогла, потому и умерла в муках, да в род вложила наследие. У деда твоего тоже только сыновья были? – испросила Евдора.

– Ну да, – кивнула я. – Дед только один и народился, бобылём рос, без отца, матери. Бабку взял из семьи многодетной. Да и она, как батюшку родила, померла.

– Это от силы невостребованной. В тебе сила возродилась, теперь в роду вашем не будет ведьм, кроме тебя, – с печалью затаённой улыбнулась матушка Евдора.

– Значит брат мой, Ясень, нормальным будет? – спохватилась я.

– Он-то точно, силы ведьминские только девочкам даются. Но теперь и дочки его будут обычными, – кивнула Евдора.

– Да пусть ваши слова будут истиной, – с облегчением вздохнула я.

Такой доли, как меня постигла, я своим родичам не желала.

– Зря ты так, Весения. Сила не наказание, а дар, – покачала головой матушка Евдора.

Да сколько ж можно головой-то мотать? Как болван ярмарочный, всё качает да качает. Чисто знает чего, да жалеет меня, себе только и сокрушается.

– Ты на мою голову не смотри, лучше запоминай наущения мои, Вес...

Матушка Евдора замерла, не договорив, закрыла глаза и прицокнула языком.

– Чего опять? – насторожилась я.

– Магистр явился раньше срока, – всплеснула руками старушка. – Беги в комнату и до поры не показывайся. Как время придёт, позову.

– Как магистр? Куда? – оторопь меня взяла.

– Живо в комнату! – прикрикнула Евдора.

Я сорвалась с места, вылетела из комнатки, пробежала по проходу, едва не скovyрнув-шись пролетела по лесенке, и со всего маху врезалась в кого-то.

– Ох ты ж чурбачки-корячки, – выругалась, на пол со всего маху брякнувшись.

– Пряма таки и чурбачки? – посмеиваясь, спросил кто-то.

– Корячки ещё те, – пропыхтела, потирая зад, которым больно сильно приложилась об пол.

– Куда ж вы, послушница, так торопитесь? – спросил виновник моих страданий тяжких.

– Да уж точно не к тебе, встал тут, – взбеленилась я.

Подняла взгляд и напугалась до икоты. Стоит весь такой уверенный в себе, в камзоле синем с золотистыми узорами, рубаха белая такая, что глаз застит, сам высокий, волосы чёрные с хвост кобылий собраны, а на ногах сапоги из кожи бычьей, блестящие, хоть смотришь. Сразу видать – столичный мужик, нечета нашим. Этот точно рыгать, как Тарась, не будет. Да и воняет от него не кузней и потом, а какой-то столичной гадостью, резкой такой, что слезу выбивает с непривычки.

– Здоровы будьте, – поздоровалась я. – Ну и воняет от вас, как от торгаша бабского в Приточном.

– Учту, – скис мужик.

– Ага, не воняйте, – пожелала я ему и учесала в свою спаленку.

Прибежала, бухнулась на кровать, и тут меня как накрыло уразумением стршным! Это ж магистр, видать, новый был! Мужиков здесь больше не водится. Девки сказывали, что тут только ведьмы-наставницы, мы – послушницы, и бабы, которые нас кормят-обихаживают. Домовые не в счёт, тут ещё проверить надобно – правда, али набрехали. Да и духи, по всему, только ночью кажутся. Ох я и наворотила! Чую, дорога мне в служки при пекаре, если вообще отсюда выпустят. А то и заберут неведомо куда, так и сгину...

Ногти все изгрызла, пока соседок дожидалась. А как пришли, да меня такую пришибленную увидели, так и полезло, из кого что.

– Никак отругали нашу голодранку, – развеселилась Татинка.

– Да нет, за тупость пристыдили, скорее всего, – ощерила зубки свои мелкие да кривенькие Златания, чисто хорёк.

– Веся, что приключилось-то? – всплеснула руками Фатия.

– Ох, я вам так скажу, не приучена я с мужиками вашими столишными раскланиваться, – пожалилась я. – А тут этот, воняет, аки бочка дегтярная, я и растерялась.

– Ничего не поняла, – пожала плечами Перла.

– Ты магистра нового видела? – отпихнула её Златания. – И как он? Представился? Как выглядит? Хорош?

– Ну ладный мужик, – пожала я плечами. – Воняет только знатно. И разодет, как петух дворовый.

– Веся, а ты вообще читать-писать умеешь? – спросила Фатия, виновато улыбаясь.

И эта в ту же сторону клонит, Марса с ходу припомнилась.

– Ну умею, – ответила я. – Да причём же здесь это-то? Налетела я на магистра этого вашего и вонючкой окрестила. Ой, что теперь будет-то! – за голову схватилась.

Златания и Татина принялись ржать, аки кони, Перла выпучилась, будто впервораз увидела, а Фатия пристроилась на мою кровать скраешку и рядом рукой похлопала.

А как я села, тихонечко так заговорила:

– Ты, если грамоте обучена, то читала, небось, что-то. Помнишь, какой речью там написано было?

– Да умею я по столичному говорить, – всплеснула я руками. – Матушка моя отсюда, обучила.

– Вот и старайся за речью следить, – кивнула Фатия. – Не мужик то был, а магистр, мужчина, господин. Постарайся изъясняться иначе. Я тоже долго переучивалась, но без этого никак. Совсем закроют, а то и того хуже – сболтнёшь чего не так и накажут. Что для нас обычные речи, для них оскорблением может показаться. Понимаешь?

Я только кивнула. Понимаю всё, да от того не легче, наболталась уже вдосталь.

– Ах, как же я хочу магистра увидеть. Только бы это был он! – мечтательно сложив ручонки на тщедушной груди, простонала Златания.

– Ты мне это брось, – погрозила ей кулачком Татина. – Князь ясно сказал – никаких любовей, пока не отучишься. И вообще, не до того нам.

– Цыц, поганка, – зыркнула на неё княжна. – Князь там, а я здесь.

Татинка насупилась и отошла к своей кровати. Так и пытела минут десять, вороша какие-то тряпки. Нелегко ей с этой девкой знатной, оказывается. Это же какая каша вокруг – князь одно приказывает, дочка его другое. А ей хоть рвись надвое. Ну её, эту службу княжескую! Обучусь и домой вернусь королем, если сложится с обучением-то...

И тут под кроватью топот какой-то почудился. Вскочила, на коленки бухнулась, заглянула – а нет никого. А как из-под кровати вылезла, глядь, на покрывальце одёжка какая-то лежит. И перья с бумажонками стопочкой.

– Это домовые тебе канцелярию и форму доставили, – посмеиваясь, пояснила Перла.

– И вправду домовые, – прошептала я, стоя на коленках пред кроватью.

– Вот там тебе и место, бродяжка, на коленях в полу ползать, – задрала сизый нос Златания. – А я к встрече готовиться буду. Идите все отсюда вон!

– Пошли, – шёпотом позвала меня Перла.

– Куда? – охнула я. – Здесь же наше место.

– Пошли вон! – заверещала Златания, чуть не стуча зубами от злости.

– Идём, Веся. В саду погуляем пока, – потянула меня за руку Фатия.

– Ну пошли, раз такое дело, – покосилась я на припадочную княжну.

Эк её скрутило-то. Посерела вся, ручонки трясутся, к сундуку бросилась, тряпье перетрясает. Даже Татинка повздыхала, да и ушла. А мне и подавно нечего на это смотреть. Пожала плечами, да и пошла за девками-соседками. Им виднее, когда тикать надо.

Глава четвёртая: Я не умею летать, я только учусь!

Вышли мы из спальни, а там, в проходе, что творится-то! Девки в платьях чёрных носятся, лягухи по полу скачут, ветер воет, лужи, куда ни глянь. Мимо пронеслась табуретка оглашенная, вереща, как порось молодой. Откуда ни возьмись жаром пыхнуло, да так, что у меня волосёнки скукожились на руках. За косу ухватилась – цела! Ведьмы бегают, гомонят, причитают.

– А чего делается-то? – спросила шёпотом, уцепившись за Фатию, как за подругу сердешную.

– Никак аттестацию новый магистр назначил, – испуганно прошептала она в ответ.

– Да как же так? Только горе такое пережили, а тут ещё и проверка! И знают же, что мы – ведьмы, больно на эмоции слабые, а всё равно, – покачала головой Перла. – Пошли отсюда, пока не случилось чего. Когда надо будет, позовут.

И мы пошли, когда перескакивая через лужи и живность всяку-разну, а когда и припуская стрекача. Чуть добрались до лесенки живьём. Сбежали мы вниз, а там будто и нет ничего. Ни криков не слышать, ни другого какого гомону. Будто и нет непорядку на верхах.

– Ты не удивляйся, второй этаж защищён от погромов и бедствий. Если что, духи умерших впитают излишки энергии, – поведала мне Перла.

– Да я и не боюсь, – соврала я.

– Вот и хорошо, пошли пока в сад, там, скорее всего, никого нет. Окна учебных классов и наставничьих комнат туда выходят, – улыбнулась Фатия.

– А не приметит ли нас там магистр новый? – вдруг забеспокоилась Перла.

– Коли и приметит, что с того? Мы правила не нарушаем, – пожала плечами Фатия.

А мне больно не охота было магистру этому на глаза опять казаться. Матушка Евдора сказывала сидеть тихо в спальне. А ну как покажусь, и плохо будет?

– А может, я тут обожду? – испросила, оглядывая залу эту огромную, в которую они всех принимают.

– И что, так и будешь стенку подпирать, пока не позовут? – усмехнулась Перла.

– Да хоть бы и подпёрла, мешаюсь кому что ли? – надулась я.

– Оставь её, Перл, видишь – волнуется сильно, – потеряла за рукав подруженьку Фатия.

– А я что? Пусть стоит, – пожала округлыми плечами Перла.

– Ты только не ходи никуда, хорошо? – нахмурилась Фатия.

– Да куда ж я пойду-то? – всплеснула руками. – Здесь обожду.

Так и осталась столбом стенку подпирать, а девчонки ушли, перед окнами хозяйскими крутятся. И пусть вертятся, да глаз магистра на себя оттягивают! Я про магистров этих мало чего ведаю, да не дура, смекнула – коли маг, да ещё и такой высокий, что за школой смотреть приставили, значит видать сильным колдовством владеет. Мужик же он как дитё, если чего в руки попало, будет вертеть, покуда всем худо не станет. А тут аж магистр да такую затею в свои руки заполучил, целую школу ведьминскую, знамо дело – остеречься надобно. Посижу покуда здесь, пережду до вечера. А там, глядишь, и утихнет всё. С такими думами и уселась на полы начищенные, привалилась к стеночке и глаза прикрыла. Так и не заметила, как заснуло меня.

– Послушница. Послушница! – У вас угла своего здесь нет что ли?

Охальник какой-то прицепился и принялся пинать меня в тапку. Я ногой дёрнула, отмахнулась и глаза отворила, уже собираясь ответить, как полагается, да тут же язык и прикусила.

Надо мной стоял давешний мужик, который мужчина, магистр, господин и бесы пойми кто ещё. Стоит, щурится, недовольством пышет. И чем я ему тут не угодила, спрашивается? Места пройти что ли мало?

И тут, что гусыня по болото, выплывает из прохода Златания. Увесилась вся побрякушками, того и глянь, посыплется всё. Сама выступает, будто пава. Платье нацепила красное, длинное в пол, рукава клешонные. А волосёнки-то как закрутила, аж кожа на лице натянулась вся. Губёнки тонкие намалевала краской, надухарилась, не хуже того мужика, и ступает величаво, только служек с метёлками у ног и не хватает.

– Эк тебя распёрло-то, – покачала я головой.

Княжна с шага сбилась, на подол наступила, да и чуть не сковырнулась. Благо, магистр прыткий оказался, подхватил за шкурку и поставил, как стояло. Златания зарделась, засмушалась, ножку отставила и молвит голосочком тонюсеньким:

– Вы мой герой, магистр Дарлат! Сегодня же отцу весточку отправлю, что вы меня от гибели спасли, и потребую для вас титул.

– Вам ли не знать, послушница Златания, что маги в титулах не нуждаются, – как ледышкой по носу мазнул, ответил магистр.

Княжна посерела вся, плечики узенькие расправила, да и говорит величаво:

– Княжна Златания.

– Здесь вы послушница, – улыбнулся магистр, ласково так, как дитю неразумному.

А потом и вовсе ко мне повернулся. Я глаза в пол, сижу, нету меня тут.

– Вы так и будете на полу сидеть, послушница? – спросил он, поближе подступив.

И как это у него сапоги-то не запылились? Сверкают, аки красно солнышко, и не гляди, что чёрные.

– Я к вам обращаюсь, послушница.

Вот же привязался, бес вонючий!

– Убогая она, магистр Дарлат, – подскочила к нему Златания. – Мало того, что из глуши деревенской, так ещё и умом скудна.

– Это кто убогая?! – взъерепенилась я.

Голову задрала, коршуном на пигалицу княжескую глянула и давай вставать. А тут мужик этот окаянный ещё и руку ко мне тянет.

– Чего это? – шарахнулась я.

И тут откуда-то сбоку шёпот:

– Руку примамай, дурёха, вишь, цельный магистр тебе подсобить изволит.

Я подпрыгнула, огляделась – а нет никого кругом. Только магистр да княжна стоят надо мной и смотрят, как на блаженную.

– Хватай руку, кому говорю, а то сам пособию, – зашипел, не хуже аспиды, голос неведомый.

Я с перепугу за магистрову руку так хватанулась, он аж вздрогнул. Но ничего, крепкий мужик оказался, поднял меня и глядит, с прищуром так.

– А не та ли вы послушница, которую в обход общего набора приняли?

Спросил и ладошку-то мою не пускает. Я потянула – не даёт! Дёрнула – никак.

– Она это, вчера к ночи только заявила. Поговаривают, матушка Евдора её по кумовству приняла, – подросла тут Златания.

– А вы, послушница, идите к аттестации готовиться, – посоветовал ей магистр, даже не глянув в её сторону.

Стоит, вцепился в меня, как гусак в порты, смотрит и ждёт. А я вспомнила наущения матушки Евдоры, голову подняла, прямо в глазищи его чёрные, басурманские поглядела и как на духу ответила:

– Я это. Батюшка не ведал, когда тут у вас привечают. Как приспичило, так и свёз.

– Ясно, – кивнул магистр, а сам глядит, не оторвётся.

И вижу, что глаз не добрый у него, того и гляди, дыру проглядит. Потом отвернулся, на княжну глянул, от меня отцепился да и говорит ей:

– Вы ещё здесь, послушница Златания?

Княжна совсем забелелась, повернулась и потащилась к лесенке заветной, подолом пол протирая. Вот же чурбан какой, магистр этот их, совсем девку затюкал. Я за ней, пожалуйть надобно. А он меня опять за руку цап!

– А вы за мной, – говорит, да повелительно так. Батюшка и тот мне так не указывал.

Златания у лесенки оглянулась, да так на меня глянула – вся жалость выветрилась. Чую, не спустит она мне своего позору.

– Представьтесь, послушница, – затребовал магистр, как княжна с глаз ушла.

– Вся я, это, то есть Весения, – пробубнила, на его лапищу, мой локоть зажимающую, поглядывая.

– А по батюшке? – привязался постылый.

– Весения, Радира Залучного дочка, из Уточной слободы, что при городе Приточном, – гаркнула в сердцах.

И знаю же, что не с руки мне ерепениться, да одолел, вонючка столишная.

– Следуйте за мной, Весения Радировна, – приказал магистр, отцепился от меня и зашагал размашисто к лесенке цветастой.

– Какой мужик, уж он-то возьмёт это бабье царство в кулак, – послышался сзади давешний шёпот.

Я повернулась – никого. Почудилось? Али духи местные играютя?

– Ты иди давай, простота, покуда хозяина нового не разгневала, – прошипел мне голос неведомый.

– Да кто ты будешь-то, тварь неведома?! – не удержалась я.

Магистр, уже до лесенки дошагавший, с шагу сбился, остановился, развернулся, и как рявкнет:

– Что?!

– Это я не вам, это я ему, – повела руками.

А кому ему – и сама не ведаю. Да только этот кто-то из угла захрюкал, загоготал и причитать принялся.

– Ой дурная девка, ой оглашенная. Давненько меня так не задорили.

– Я тебя сейчас так позадорю, неделю ховаться будешь! – заорала я на всю залу, потрясая кулаками во все стороны.

А магистр вдруг заулыбался, головой покачал и говорит:

– И не стыдно вам, домовый народец, девушку позорить и путать?

– Ох ты ж батюшкины косточки, никак слышит, – пропыхтел голос неведомый.

– Да не, приставляется, – ответил ещё один голосок.

– Тикать надобно, покуда не пальнул магией своей, – зашептал голос из угла.

Я, как ни глядела, как глаза свои ни пучила, никого там не углядела, но слышу же! Не почудилось, точно знаю.

– Весения Радировна, это с вами домовые шалят. Не обращайтесь внимания. И поторопитесь, у меня времени мало, а нам нужно ещё с вашим статусом разобраться, – обратился ко мне магистр.

– А чего разбирать-то? – пожала я плечами. – Ведьминские силы есть, вот батюшка и свёз, куда положено.

– Дело в том, что решать – положено или нет, не вашему отцу, и даже не матушке Евдоре. У неё нет полномочий одобрять кандидатуры послушниц. Посему, следуйте за мной, – как отсек проговорил магистр и пошёл по лесенке вверх.

Я ещё раз оглядела зал, никого не углядела, вздохнула тяжко, да и за магом поплелась. Эка невидаль – домовые, да ещё и такие окайные. Как же я тут с ними? Хотя, рано ещё за домовых печалиться, сначала остаться здесь надобно. Неспроста же магистр этот Златанию

послушницей кличет, а меня по батюшке величает. Не послушница я ещё, а невесть кто и почём сюда явилась. Вот магу тому мою судьбу и решать, а он больно грозный, весь из себя такой сердитый. И не гляди, что на лицо молод да пригож. Матушка Евдора неспроста про года маговы долгие сказывала.

Поднялись мы по лесенке, прошли по проходу и свернули к двери большой, дубовой да чернёной. Магистр дверь ту отворил и рукой мне указал. Я прошла, встала у стенок, от прохода недалеко, да голову опустила. Страшно-то как. Но напутствия матушки Евдоры помню, сподоблюсь как-нибудь отбрезаться от мага цеплючего.

– Проходите, Весения Радировна, – кивнул магистр на стул резной, что у стола стоял.

Ох и несподручно, когда по батюшке кличут. Всю жизнь Вёской была, Радиркиной девочкой малой, а тут целая Весения Радировна. Но деваться некуда, не буду ж я столичного мага, да ещё и магистра, поправлять. Прошла, села, куда велено, и ручки на коленках сложила. Магистр стол обошёл, кафтан скинул, рубахой белоснежной хорошась, бросил его на высокую спинку своего стула, уселся, руки сложил на груди и на меня уставился.

– Вёся я, мне так сподручнее, – выпалила, растерявшись от взгляда такого прямого да пристального.

– Хорошо, Вёся, – улыбнулся он. – А меня можете называть магистром Дарлатом. Понимаю, вам непривычно такое обращение, но, как вам, наверное, известно, мы – маги, не делаем различий по сословиям. Каждая личность достойна уважения, если она не скомпрометировала себя дурными поступками.

Так и вертелось на языке «Чегось?», но промолчала. Пусть баёт, раз ему так хочется. А я буду слушать, да запоминать. Глядишь, и всколыхнётся в памяти что из матушкиных поучений. Пока с этим как-то не срослось, всё страшно, да непривычно, от того и думы, и душа к слободе родной тянутся. Да и путается всё, речи привычные с говором столичным перекликаются.

– Так вот, Весения, матушка Евдора вкратце рассказала мне о вашей семейной проблеме. И я склонен пойти вам навстречу, но только после того, как удостоверюсь, что вы действительно являетесь ведьмой, пригодной для обучения в этой школе.

– Я грамоте обучена! – протараторила, теребя подол сарафана. – Читать-писать умею, и даже по-вашему разговаривать могу... только не сейчас. Отдышаться бы мне.

– Вот и отдышитесь, успокойтесь, и попутно расскажите мне о вашей силе, – улыбнулся магистр Дарлат, по-доброму так, чисто и не норовит меня на чём подловить.

– А чего там рассказывать? – рукой махнула я. – Ведьмой меня признали, вот батюшка и свёз, от греха подальше.

– Это я и так понял, – продолжил лыбиться магистр. – Вы мне расскажите, как ваша ведьминская сила проявляется.

– Ну цветни там, Дудоню по ветру пустила, на коня залетела, – принялась лепетать я.

Матушка Евдора как учила? Спросят про что – отвечай правду, да не всю. А он же, аспид холёный, не спрашивает, он рассказу требует!

– Так, давайте по порядку. Что с цветнями приключилось? – нахмурился маг.

– Так выросли, и зацвели, – пояснила я.

– И в чём тут сила ведьминская? – не понял он.

– Так зимой же, по снегу! – всплеснула я руками.

– Ясно, – задумался магистр. – А с Дадонем что?

– Каким Дадонем? – растерялась я.

– Так вы же сами сказали, что Дадона на ветер пустили, – теперь уже он растерялся.

– Ааа! Так то не Дадон, а Дудоня, бык наш тягловый, – засмеялась я. Вспомнила Дудоню и скисла. – Батюшка забил его, красавца такого, а я по нему больно болела. Вот он по ветру и развеялся туманом утренним.

– С этим пока не всё ясно, но допустим. А с конём что приключилось? – подался вперёд магистр.

– С каким таким конём? – выпучила я глаза.

Это какого мерина он мне прописать удумал?

– Вы, адептка, меня не путайте, – осерчал мужик.

– Ади чего? – не уразумела я.

– Тьфу! Послушница, прекращайте мне голову морочить! – вскочил маг.

– А я чего? Я ж ничего, я ответ держу, как велено было, – скукожилась я на стуле.

– Кем велено?! – рявкнул, не хуже нашей Тявки, магистр столичный.

– Так вами ж. Сами велели отвечать, да рассказывать, – пропищала, ножонки поджавши.

Мужик резко выдохнул и упал на стул дубовый, а тот и заскрипел с натуги-то. Магистр выпрямился, руки в кулачища сжал, на стол их брякнул, и спокойно так, до холода в поджилках, спрашивает:

– Вы, Весения Радировна, часом не по наущению магистрата сюда поступили? Сдаётся мне, неспроста всё это.

– Чего? – опутив коленки, пропищала я.

А из угла комнатки гогот постылый:

– Во девка мага довела, наша порода!

Тут я уже смекнула, что маг этих речей и слыхом не слыхивает. Всё только мне. Глянула в угол, прищурилась, да и заметила тень мелькнувшую. Вот вы, значит, как, домовые ведьминские?! Насмехаться удумали?!

– Весения, вы можете мне сейчас продемонстрировать свои силы? – затребовал магистр.

– Да откуда же? Я и сама не ведаю – что к чему, – пожала я плечами.

– Хороша ведьма! – из угла донеслось.

– Ага, хороша, да такими путями и не наша будет, – пропищал второй голосок.

– Твоя правда, выручать надобно, – загоготал первый.

– Да что вы всё взгляд отводите? – взбеленился маг. – На меня смотреть, и отвечать быстро. Силу чувствуешь? Ведьмой себя видишь?

И как глянет на меня, а в глазах огонь, чисто в печи! Так и полыхают очи давеча чёрные красным пламенем.

Я со стула-то сползла и рачками-рачками к двери попятилась.

– Стоять! – загорланил злыдень столичный. – Встать, и отвечать!

Я вскочила, сарафан оправила, да и заревела. А чего он ором орёт, да ещё и огнём глядит? Чистый бес по мою душу.

– Всё, я сдаюсь, – простонал мужик зверем раненым, и на стул опять брякнулся.

Дерево затрещало, маг вскочил, ногою отопнул ломатьё и так на меня глянул, что прежний огонь мне за здоровье почудился.

– Прекратить реветь! – велел раздухарившийся мужик, да толку-то.

Я ж испугалась, наvertsела всего в голове-то, уже и с жизнью прощаться принялась.

– Зови Евдору, совсем маг девку застращал, – пропищал голосок неведомый из угла дальнего.

– Так ужо скликал, бежит родненька, – прошипел второй.

Я тут и успокоилась. Коли даже домовые за меня – не попрёт из школы магистр этот. Домовые они же сила извечная, ну вроде старики так говорят, а там, кто их разберёт.

– Вот, – протянул мужик мне тряпицу белую да вонючую.

Никак сопли утереть предлагает. Я и утёрла, отревелась и слёзы отёрла, сжамкала тряпицу и обратно ему протягиваю.

– Оставь себе, – тихо так проговорил он, будто с устатку, после поля паханого.

– А куда ж я её? – спрашиваю, сама в пол гляжу.

– Давай сюда! – гаркнул он, и тряпицу из руки выдрал.

От же злыдень какой! Я ж ему ничегошеньки супротив не сотворила, а он!

И тут спасение моё пришло. Дверка отворилась и в комнатку матушка Евдора влетела. Отдышалась, за бока хватаясь, покряхтела, головой покачала, да и говорит:

– Вы что же это удумали, магистр Дарлат? Неужто не знаете, что молодые ведьмы неуравновешенны и грубости не терпят?

– Как видите, ничего страшного не произошло, – насупил чёрные брови маг. – Послушница совершенно не подготовлена к собеседованию, но это ещё не значит, что я должен давать ей какие-то поблажки.

– Да вы девочку до слёз довели! – всплеснула руками матушка.

Так и захотелось нажалиться, но я смекнула – этого мужика лучше лишний раз не серчать. И так больно осерчалый.

– Да ничего, матушка Евдора. Не сговорились, бывает, – обратилась я к бабушке.

– Давайте вместе разбираться, – кивнула Евдора.

И дело пошло. Она сама магистру расписала, что у меня да как. И про батюшку поведала, и про полёты на крышу. И даже про утопленницу рассказала. Маг только всё кивал да на меня поглядывал.

А потом возьми и скажи:

– Хорошо вы всё расписали, матушка Евдора, да только мне не ваш рассказ нужен, а реальное подтверждение ведьминских сил, и желательно с определением их направления. Результаты проверки вы мне так и не предоставили. Посему, я вынужден затребовать повторную экзаменацию.

– Да когда же? Вы аттестацию назначили на вечер поздний, а Весению теперь ночью муржигить будете, что ли? – вознегодовала Евдора.

– Ночью ведьминские способности как никогда сильны, – гаденько так улыбнулся маг столичный.

А потом на меня глянул и говорит:

– Вы, Весения Радировна, пока успокойтесь, с силами соберитесь, а как аттестация направлений закончится, так я и вами займусь. А сейчас идите.

Матушка Евдора рукой мне махнула, мол, беги, покуда не передумал, а сама с ним осталась. А я учесала, не оглядываясь. Как в комнатку свою вернулась, и сама не упомяну. Да только там, в спальне, никого и не нашла. Покликала, по проходу прошлась, глядь, навстречу бежит девка в платье ведьминском.

– А где все? – крикнула ей.

Она на меня глянула мельком, руками махнула и как заголосит:

– Аттестация у нас, по распределениям. Если какое направление не сдаст, так закроют и исключат всех. Одним боевым хорошо, они всегда на спресе, а как же мы? Мы куда, я спрашиваю?

Я так и убежала в спальню, покуда тумачков с горячки не отвесили. Да что же это делается-то? Всех бес магический застрашал! И управы на него нет!

– Ну я тебе, морда столишная, холёная да вонючая! – погрозила кулаком в сторону двери.

– Так его, неча у нас тут свои порядки наводить, – пропищал кто-то из-под кровати.

– Я и говорю – неча! – прокричала в сердцах.

Опомнилась, поняла, что это со мной домовый переговаривается и ещё пуще осерчала.

– Ах ты, нечисть эдакая! Ты пошто меня под позор подводишь?! – заорала, под кровать заглядывая.

– А нет меня там, – слышалось сверху.

Выглянула и обомлела – сидит маленький такой человечек на краю кровати, ножки-ручки коротки, кафтанчик умело вышитый на нём, бородёнка сивая половину морды скрывает,

а сверхукрасная шапка набекрень залихватски нахлобучена. И сапожки такие махонькие на ножках, красные, да серебром расшитые. Чисто игрушка искусная.

– Чего глаза лупишь? Домового никада не видала? – рассмеялся махонький мужичонка.

– Не видала, – как на духу призналась я.

– Да то-то и оно, не всем мы кажимся, – принялся болтать ножонками мужичок.

– А мне с чего такая невидаль? – потянула я руку, чтобы потрогать чудо дивное.

А он возьми и испарись дымкой туманною. А на другом краю кровати тут же и проявился.

– Ты ручонки-то не распускай, вестник. Знамо дело – твоя рука век укорачивает, – прицокнул языком мужичонка.

– Чего? – не поняла я.

– Никак и правда не ведаешь, кто ты и почто пришла? – замотал бородой домовый. Как есть домовый!

– Знамо дело кто, да и пришла по батюшкиному велению, – запечалилась я.

– Тююю, не знаешь, и не ведаешь. А всё туда же, ведьмой кличишься, – протянул мужичонка. – Бяда нам с тобой будет, коли ты не ведаешь, на что появилась. Ой, беда.

И домовый исчез, вот только тут был, и не стало.

– Эй, куда?! – крикнула я, да толку-то, пропал человечек.

И осталась я одна, со своими думами, да вопросами неотвеченными. А впереди неведомо что, и магистр ко мне строжится. Ох и угодила, да знать бы куда и как выбраться.

Глава пятая: ЛЕТАЛЬНЫЙ исход.

Покручинилась, повздыхала, тряпье своё перетрясла да в сундук прикроватный спроварила. В окно поглазела, да только там и смотреть-то не на что. Одни деревья и видать, да дорожки меж ними метёные. Никак тоже домовые за порядком глядят. В проход выглянула – никого, и тишина такая стоит, будто вымерли все. А солнышко уже к низу клониться начало.

– Пойду столоваться, – проговорила в пустую комнатку.

Никто мне не ответил, никто не откликнулся, а я уж надеялась, что вернётся домовый-то. Не вернулся, ну и не надо. Вышла, спустилась в зал пустой, прошла до столовой, а и там никого. Посмотрела на стол, с которого еду подадут – пусто. Покликала, в ответ тишина. И чего, мне теперь голодом сидеть? К дверке подошла, которая в кухню, как я поняла, постучала. Обождала да и вошла. А коли не заперто, то и можно. Прошлась по кухне добротной, в котелки позаглядывала, набрала себе каши наваристой с мясом, от хлеба румяного, что на столе под тряпичей нашла, ломоть отняла, и пошла в обедню. Села за стол, наелась, посуду отнесла обратно, вымыла и на место поставила. Так-то, чай мы не городские, сами себя прокормим.

А как вышла из кухни, слышу там, за дверкой, заворошился кто-то. Следом дверь и открылась. Тётка дородная глянула на меня, улыбнулась да и говорит:

– Голодная? Сейчас я тебя накормлю, милая.

Я ей «не надо!», да толку-то, она уже убежала. Ну и я пойду...

Не успела, перехватила меня тётка уже у двери.

– Ты, – говорит, – куда не евши-то? И так столько пропадает, с аттестацией их этой. Садись, подкрепись немного. А то сегодня все носятся, как оглашенные, голодом себя морят, чтобы, значит, сила злее была.

А мне злая сила ни к чему, я от неё и так добра мало видала.

– А давайте, – говорю, – пушай будет.

И ещё раз наелась от пуза. А тётка эта сидит рядом, смотрит с умилением и приговаривает:

– Ты кушай, кушай. Я тебе ещё и добавочки наберу.

А мне и так уже тяжело, сарафан узок стал.

– Нет, благодарствуйте, тётенька, я пойду, – замахала руками.

Тётка скисла, но неволить не стала, отпустила. Я её ещё раз поблагодарила сердечно и поплелась в комнатку, едва ноги переставляя. А как мимо лесенки цветастой пошла, слышу – переговариваются там, сверху. Да подняться не решилась. У них аттестация, не до меня им теперь. Вернулась в спальню, переоделась в домашнее платье и на кровать завалилась. Покрутилась-повертелась, от тяжести в животе вздыхая, да и уснула.

Слышу, шепчется кто-то. А глаза растворить охоты нет, сладко так спится. Но одним ухом слушаю.

– Спасительница ты наша, Фатия. Если бы не ты, могли и закрыть целительство, – Перла Фатию нахваливает, значит.

– Да бросьте, никто нас не закроет. Здесь же я учусь, – довольно так пропищала Златания.

Тут я и проснулась совсем. От её голоса княжеского да визгливого только покойник и не пробудится.

– Выдыхалась, нахлебница? – подскочила ко мне Татина. – Недолго тебе здесь осталось. Я слышала, магистр Евдоре говорил, что как с ментальными закончит, так за тебя возьмётся.

– Не скажи, – сморщилась Златания. – Видела я сегодня, как Дарлат на неё поглядывал. Девка ушлая, не умом, так подолом пробьётся. Только толку-то от того. Маг наиграется и выкинет под забор, туда, где тебе и место.

– Да что тебе место-то моё далось? – всплеснула я руками, волосы со сна пригладивши. – Никак своё жмёт?

– Ты поговори мне ещё, – зашипела княжна аспидом. – Тебе на моё место только снизу и смотреть, приبلудная.

– Да больно надо, – махнула я на неё рукой.

Огляделась: за окном темень стоит, а в спальне светло, как днём ясным. Повертела головой – а нет ни свечей смолящих, ни светильников на жиру. Откуда свет идёт – так и не поняла. Чудны дела, да расспрашивать при клушах этих, Златании и Татине, постыдилась. И так поедом едят.

– Ты не волнуйся, Веся, – на свой лад мою растерянность поняла Фатия. – Магистр Дарлат добрый, да и матушка Евдора на твоей стороне.

– Это он-то добрый? – выпучилась я. – Видать, не с той стороны он тебе казался, с которой я его углядела.

– Интересееено, и с какой же такой стороны ты нашего магистра видела? – подскочила Татина.

– Я же говорю, девка она беспутная! – заголосила княжна. – Ещё и на Дарлата наговаривает! А он такой! Такой... Ммм, вот успокоится отец, простит меня, и замуж за Дарлата пойду!

Я глянула на Златанию, да и отвернулась. Даже насмехаться охоты не было, такой убогой она мне показалась. Только и можно пожалеть. Магистр этот на неё и не глядит, а она, как дура последняя, мечты о нём держит.

– Ты на неё внимания не обращай, – прошептала Фатия, пристроившись с краешку на мою кровать. – Магистр Дарлат правда хороший. А видный какой, сразу понятно – сильный маг.

И глаза в пол опустила, а щёки-то румянятся. И эта туда же! Дался им этот маг!

– Ты бы переоделась, – подошла к нам Перла. – У ментальных набор сильный, они быстро аттестацию пройдут.

– А чего не так-то? – оглядела я себя.

Платье новое, ладное, по подолу и рукавам тесьма красная. А что не чёрное, как у всех послушниц, так магистр сам сказал, что я ещё и не послушница. А мне жёлтое больше нравится, да и своё, родное, слободское, душу греет.

– Весения, у нас не принято незамужней девушке ходить в платьях с таким горлом, – покачала головой Перла. – Девушка должна скрывать грудь и шею.

Я глянула вниз. И где она там грудь углядела-то? Ну торчат кости подшейные, да плечи чуть видны. Но спорить не стала, полезла в сундук.

А тут и дверка отворилась. Вошла к нам ведьма давешняя, Марса, оглядела всех, увидала меня с платьем ведьминским в руках, языком прицокнула, да и говорит:

– Что же ты заранее не приготовилась? Сейчас времени уже нет, магистр тебя ждёт. Пошли так.

А мне и в радость. Уж больно не приглянулись мне их наряды скорбные. Забросила платье не любое в сундук, в тапки плетёные вступилась, косу, поправила и говорю:

– Готова я, веди.

Златания и Татина гоготать принялись, Перла только головой покачала, а Фатия пальцы замком мне показала и удачей напутствовала. Так и пошла я за Марсой, дивясь, что в проходах везде светло, как от солнышка.

Как спустились по лесенке, Марса остановилась, повернулась ко мне, за плечи ухватила и говорит:

– В глаза мне смотри, Весения.

Я глянула в очи её синие, да и потерялась совсем. Туманом заволокло всё, только голос её слышу ласковый: «Ты не боишься магистра Дарлата. В себе уверена, силу свою знаешь. Что

просить будет – сделаешь. О чём спросит – ответишь спокойно. Но про дурное, с силой твоей связанное, ни словом не обмолвишься, и не вспомнишь даже, пока он тебя не отпустит. Ты ведьма, в силах своих уверенная, истинная ведьма».

И взгляд отвела. А я будто ото сна очнулась.

– Ну что, боишься? – улыбнулась Марса.

– Нет, – помотала я головой, последний туман разгоняя.

– Вот и хорошо. Матушка Евдора сильно за тебя переживает. Не подведи старушку, ей и так сейчас нелегко, – погладила меня по плечам ведьма.

– Не подведу! – бойко ответила я.

А как легко да спокойно на душе стало, и маг с его расспросами уже не в тягость был. Я же ведьма! Ух, я ему покажу!

– Идём, негоже заставлять магистра Дарлата ждать, – потянула меня за руку Марса.

Я шаг ступила и растерялась. Чего стояли-то? Помню – по лесенке сошли, помню – за плечи она меня ухватила, а дальше – и не помню. Бесовщина какая-то!

– А это чего сейчас было-то? – спросила у ведьмы.

– Ты о чём? – удивилась она. – Быстрее давай, ждут там тебя.

Так и пошли к цветастой лесенке, поднялись, и к уже знакомой комнате пошли, где давеча маг меня доводил. Подошли, Марса стукнула два раза и отошла. А перед тем, как дверка распахнулась, успела только шепнуть «Да пребудет с тобой сила, ведьма».

А тут меня матушка Евдора и встретила, и зазвала, и на стул посередине комнаты усадила, аккуратно напротив магистра. Он чего-то в бумажках поковырял, достал листок чистый, перо в руку взял, глянул на меня да и говорит:

– Представьтесь.

– Шо, опять? – растерялась я. – Недалече же вот обзакружились.

– Матушка Евдора, – тяжело так вздохнул маг.

– Всея, ты отвечай, как полагается. Порядок такой, – похлопала меня по плечу матушка, и отошла к стеночке.

Ну надо, так надо. Припомнила, как он у меня выпрашивал и сразу, как надобно представилась:

– Весения Радировна Залучная, из Уточной слободы, при городе Приточном. Семнадцать го... лет.

– Так, – задумчиво пробубнил магистр. – Проявления силы... первый выплеск..., это опустим, пожалуй. Вот, Весения Радировна, что вы можете сказать о происхождении своей силы по роду? От кого дар переняли?

– От прабабки, – выпалила, и сама не поняла как.

Ещё и подумать не успела, а уже ответ держу. Чудно.

– И какой ведьмой была ваша прабабка? – продолжил спрашивать маг.

– То мне неведомо. Знаю только, что она в родах умерла, и больно её в слободе не любили, – опять речи сами полились.

– А за что не любили?

– Так ведьма же!

Да что же это со мной такое творится-то? Язык сам отвечает! На матушку глянула, а она так светло улыбнулась. Неужто она ведьминского чего навела на меня?

– Ясно, – кивнул маг. – Как мы уже выяснили, управлять своей силой вы пока не можете. Верно?

– Ой, не могу. Не обучена же, – выдала я.

– А при каких обстоятельствах ваша сила обычно проявляется? – сощурился маг.

А я сижу, и слово молвить не могу. Хотела признать, что по горю само собой кажется, да не смогла. А потом и вовсе запаматовала.

– А не знаю, – пожала плечами.

Да так пожала, что платье с плеча и поползло. Я его обратно, а оно с другого плеча. Ухватила за плечи, оправила, села ровнёхонько, да как гаркну:

– Вы меня не мурьжьте, магистр Дарлат. А то как напужаюсь и сотворю чего!

Маг глаза выпучил, моргнул, а потом на стул откинулся, лицо рукой прикрыл и давай трястись, как припадочная скотина.

– Вам это, поплохело небось? – забеспокоилась я.

Маг руку от лица отнял, посмеиваться перестал, на матушку Евдору глянул, головой покачал, да и говорит:

– Неужели вы думали, что я не замечу стороннего влияния? Я, может, и не вижу энергию ведьминских сил, да тоже не дурак. Выйдите.

– Да что вы, магистр Дарлат, – всплеснула руками матушка. – Не было такого! Ошиблись вы.

– Евдора, вы действительно считаете, что меня сюда в качестве ярмарочного болванчика прислали? – сложил руки на груди магистр. – Я прибыл с единственной целью, расследовать смерть магистра Матфия. И уж вы-то должны понимать, что по такому поручению магистрат абы кого не отправил бы. Покиньте мой кабинет.

Матушка Евдора глянула на меня виновато, голову опустила, да и вышла. Ох, что делается-то!

– Вот теперь мы с вами побеседуем откровенно, Весения, – улыбнулся маг.

И как глянет на меня, а в глазах опять огонь полыхает. Пригляделась – то не огонь, а свет поблёскивает, чисто от солнышка. И теплом обдаёт, да таким, что меня в жар бросило. А потом как загорится всё внутри, голову будто в печь сунули. Крикнуть не успела, как жар ушёл, а на меня такой страх навалился, двинуться нет мочи.

– Ментальное влияние я убрал. Теперь можете говорить свободно, – отодвигая бумажки, изрёк маг.

А чего говорить-то? Тут зуб на зуб не попадает, сижу ни жива–ни мертва. Куда себя девать – не ведаю.

– На чём мы остановились? Ах да, при каких обстоятельствах ваша сила проявляется чаще всего, Весения? – спросил магистр, и смотрит на меня так, с жалостью что ли?

А я молчу, Евдора же строго-настрога наказала про смертные думы не говорить.

– Ну что же вы? Как я понял, матушке Евдоре вы всё, как есть, выложили. А мне почему рассказывать боитесь? – посетовал маг и встал.

Я вся сжалась, руки-ноги ходуном, в глазах слёзы. И уразумею, что ничего паршивого не сотворила, а боязно так, будто кого угробила и теперь ответ держать за это буду. А магистр этот стол обошёл, ко мне подступил, присел на коленца и в глаза заглядывает. А потом и того пуще, за руки ухватил, сжал ладошки мокрые, и тихо так:

– Весения, ты можешь мне полностью доверять. Обещаю, что ни слова из того, что ты сейчас расскажешь, из этого кабинета не выйдет.

Я на него глянула и пуще прежнего забоялась. Это он чего, прямо здесь со мной и порешит? А матушка сказывала, что неугодных сперва из школы забирают.

– Так не пойдёт, – недовольно так проговорил маг. – А ну посмотри мне в глаза, ведьмочка.

Я вообще глаза затворила до боли, и руки тяну – не даёт. Ещё и приказывать принялся.

– В глаза смотри, ведьма! – гаркнул так, что я очи растворила и выпучилась на него.

– Так-то лучше. А теперь рассказывай, всё, как есть, без утайки, – улыбнулся он, а сам ладошки мне пальцами гладит.

Вкруговую, вкруговую, у меня думы и закружились. Сама не заметила, как всё выболтала, и про смерти больные душе, и про батюшкины думы, поперечные моему хотению. И даже

на баб слободских глупых нажалилась, что они горланить по утопленнице принялись, да до батюшки те пересуды дошли.

А как маг руки мои пустил, да отошёл в сторонку, так меня и прошибло потом – всё же выведал, окаанный! Что теперь будет-то? Евдора же сказывала – сила моя больно плохая, непонятная, от того и опасная. А у нас как принято, что опаску даёт, то на убор идёт. Вот и меня сейчас приберут, и следа не останется.

Магистр за стол свой уселся, пальцами по нему бьёт, как конь осерчалый копытом, да на меня с думой поглядывает. А потом глянул так, с прищуром, да и говорит:

– И что с тобой делать прикажешь? По всем признакам у тебя прослеживаются задатки некромантии, магии нехорошей, но допустимой. Да только магии в тебе нет ни капли. Следовательно, это не некромантия. А ведьминские силы, со смертью связанные, это уже совершенно другой уровень. Если я сейчас о тебе в магистрат доложу, там разбираться не будут, осушат и спишут. У нас по отношению к неопределённым ведьмам правила строгие.

Я и заревела. Хоть и не всё поняла, да додумалась, что конец мне маг пророчит.

– Отставить слёзы! – грозно так глянул он на меня. – Не будем рубить с плеча. Сначала попробуем установить вид силы, а там видно будет. Запишу тебя послушницей. Раз Евдора так за тебя радуется, то к ней и припишу. Но разбираться вместе будем. Мне бесконтрольная ведьма на вверенной территории ни к чему. Завтра же устроим проверку сил по методике Матфия.

Я на него через пелену слёз поглядела, головой покивала и пуще заревела. Чего он всё страшит, да страшит? Мне и самой страшно, а он смотрит вороном. Ещё и словами заумными сыплет, как из лукошка. Вроде и учила матушка, да всё из ума вышло.

– И чего ты слёзы льёшь, ведьмочка? – покачал головой магистр. – Я же сказал, пока можешь не волноваться.

– А потом? – вскинулась я.

– А это от тебя зависеть будет, – усмехнулся он. – Даже смертная сила в умелых руках может пригодиться. Тем более, в такие времена.

– Чего? – шмыгнула я носом.

Магистр встал, опять ко мне подступил, тряпицу вонючую из кармана сюртука вынул и протягивает. Взяла, чтоб лишний раз не сердать его.

– Вытри слёзы и иди спать. Утром будем думать, что с тобой дальше делать, – велел магистр Дарлат. – И теперь ты послушница школы Ведьмовства, так что, будь добра, соответствуй.

И взглядом меня недовольным окинул, особо на плечах его обозначив.

Я платье потянула, плечи заслоняя, краской залилась и убежала, покуда ещё чего не сказали маг столичный.

Так неслась, что чуть Евдору с лесенки не сковырнула. Она меня как раз у ступенек дожидалась.

– Стой, девочка, – поймала она меня за рукав. – Что сказал магистр?

– Велел соответствовать, и проверками на завтра страдал, – выпалила сходу.

– Оставил? – взмахнула руками матушка. – Принял?

– Принял, но наговорил невесть чего. Ой, чую, гибель меня тут поджидает, – засопливила я опять.

Принялась тряпицей утирать слёзы горячие, надышалась вонью столичной и чих напал. Матушка Евдора головой покачала, языком прищёлкнула, да и велела спать идти.

– Утром, – говорит, – пришлю за тобой Марсу. Да будь готова, отстаивать тебя будем.

– Ага, – хлипнула я, нос утирая.

– Беги, Весюшка, ночь уже в разгаре. И я спать пойду, – погладила меня по спине матушка.

Вместе мы и спустились в залу, да только она пошла в другую сторону, а я к своей лесенке. Из зала вышла в проход, поёжилась от холоду, повеявшего откуда ни возьмись, ступила пару раз, да и замерла. Почуяла неладное, а понять не могу – что и откуда. Но тянет меня сила неведомая куда-то в сторону. Прошла мимо лесенки своей, в другой проход завернула и как сами ноги понесли – бегу, сама души не чаю. А сердечко колотится птицей в силках, руки холодеют, в глазах пелена студёная, да только чую – туда мне надобно, там моё место. Так и пробежала неведомо сколько, остановилась у дверки резной, рука к ней тянется, а внутри всё стужей чёрной застит. Распахнула дверку, тут и закричала зверем раненым.

Стою, ору, себя не чуявши, а глаз отвести не могу. Прямо посередь саду цветочного кружится-бурлит чернота крошечная, а в этой черноте болтается девка в платье ведьминском. И не видно толком, да знаю откуда-то – неживая она уже. Подавилась криком, закашлялась, слёзы из глаз, трясёт меня всю, а отвернуться мочи нет. На коленки упала, задышаться начала, но гляжу. А чернота крошечная бултыхается, ведьму мёртвую воротит по всякому, и чую – на меня глядит будто кто из темени той. Вот оно, зло чёрное, неведомое, да рукой не осязаемое, видит меня, насмехается. Тут я и заголосила опять, да только голосу больше не нашлось. Одни хрипы изо рта рвутся, да слёзы из глаз ручьями. Чернота схлынула, а ведьма наземь рухнула побрякушкой изломанной. Где чего и не понять, руки-ноги не на месте, кровь повсюду плещется, глаза, пеленой мёртвой затянутые, смотрят, будто прямо на меня. Сзади кто-то за плечи ухватил, да только я, не здесь будто, потянулась душой к девке молодой загубленной, руки простёрла и взвыла, будто со мной горе смертное приключилось, не с ней. А она и растворилась туманом серым, ничегошеньки от поломанной её не осталось. Тут я и изнемогла, только и успела подметить, как магистр Дарлат на руки меня принял, а рядом матушка Евдора пуще моего воет, послушницу загубленную оплакивает.

Глава шестая: Взлететь и не разбиться...

Подскочила я, как ошпаренная, в памяти ещё ведьма мёртвая крутится, да болит всё, будто я там, в погибели, с нею рядышком была. Огляделась, и пуще прежнего испугалась – не моя кровать, и спальня не та. Лежу, вздохнуть боюсь. Думы в голове мечутся. А тут и рядом кто-то завожился, глядь – магистр Дарлат на скамейке прикорнул, того и глади сковырнётся. Сковырнулся! Подскочил, волосы чёрные огладил, по сторонам зыркает. Углядел, что я не сплю, и дал дёру. И чего, спрашивается, высиживал, коли сразу убёг?

Да нет, вернулся, а за ним и матушка Евдора, да ещё какая-то ведьма. Помнится, видала я её уже, после того, как в страшной комнатке на меня духов пускали. Ведьма эта ко мне подступила, наклонилась, в глаза заглядывает, а сама по рукам гладит. Потом выпрямилась, ладошки простёрла надо мной, да и говорит:

– Ожила девочка. Сердце ритм восстановило, никаких повреждений нет.

А я молчу, на Евдору поглядываю, у самой сердечко-то прыгает пойманной птахой, где ж там ведьма углядела-то, что восстановилось оно?

– И что это было? Ваши предположения, уважаемая Веления, – вежливо так магистр спрашивает.

– Я бы рада помочь, магистр Дарлат, но это были точно не телесные повреждения. На лицо воздействие какой-то ведьминской силы, точнее определить нет возможности. Могу сказать только, что девушка здорова. Напугана сильно, истощена морально, но здорова, – виновато понурилась она.

– Благодарю, Веления. Идите, у вас скоро занятия начнутся. Думаю, нет смысла напоминать, что произошедшее не подлежит разглашению, – изрёк маг.

– Но напомнили же, – улыбнулась ведьма, да и вышла.

– Ну как ты, Весюшка? – подскочила ко мне Евдора.

Сама бледная, усталая, да горе в глазах плещется.

– Умерла она, – прошептала я. – Умерла, да? Я смерть её в себе почувала...

– Ты не думай об этом, за себя радёй, – погладила она меня по голове.

– А как её звали-то хоть? – всхлипнула я.

– Забудь, девочка. Не твоя это печаль, – шепчет матушка, а у самой слёзы в глазах.

– Да как же не моя? – взбеленилась я.

Вскочила, зашаталась, да магистр подоспел, придержал. Выпрямилась, глянула на них и заревела опять. А в глазах смерть стоит, страшная, да больная. Чисто по мне эта смерть прошла, нет мочи рыдания унять.

– Здесь больно, – говорю, сама по груди стучу, а там будто пусто. Вырвали будто чего, да железом калёным пустоту ту залили. А не спасает то от пустоты, нет полноты-то.

И тут пустота эта будто наполнилась чем, жар подступил, а меня потянуло куда-то. В глазах потемнело, ополоумила будто.

Вырвалась да и побежала, дверку распахнула и дальше, по проходам незнакомым, кругом никого. Бегу, а сама плачу, чую, по смерть чью-то бегу. И не понять, за мной та смерть идёт, или я по её стопам.

– Весения! – криком кричит сзади Евдора.

А маг ей вторит:

– Не тревожьте, её сила ведёт.

Так и прибежала неведомо куда, кругом темень, а вижу как днём, плюшки какие-то да тряпки лежат, ведёрки, лоханки везде, да навалено чего-то на полках забытых. Упала я на коленки, руки протянула за зовом, в сердце самом откликающемся, он мне на ладошки и дался. Махонький, шапочка красная набок съехала, кафтан весь кровью залит, и сапожок только один

на ножонке. Второй тут же, около, валяется. Глянул на меня глазами пустыми будто и зашептал тихонечко:

– Я же сказывал, рука твоя век укорачивает, вестник. Принимай, коли отметила.

Так и испустил дух на моих руках домовой, а у меня чай душу вырвали, в глазах красно всё, горло давит, криком кричать тянет, а нет голоса. Только слёзы горячие на кафтан расшитый каплют, кровью красной в узорах теряются. Так и растворился в горе моём домовой мужичонка туманом серым, один только сапожок и остался от него.

– И этого прибрала, – прошептала матушка Евдора, рот рукой прикрывая.

А я себя не чувствую, кругом будто подступает смерть ко мне, тянется, зовёт. Тут меня маг на руки и подхватил, потащил куда-то, да мне всё едино было. Только смерть чрез меня прошедшая и чуялась, одна она вокруг и обступила.

– Вы что удумали? – спохватилась матушка Евдора.

– Прикажете здесь её оставить? – злобно так прошипел маг, чистый аспид.

– Ко мне несите, – затребовала матушка.

– А если она опять смерть почувствует, что делать будете? – ехидно так спросил магистр.

– Молодая ведьма, да ещё и не обученная. Переволновалась, произошёл выплеск силы, вот и случилось предвидение. Это разовый случай, – затараторила Евдора.

А я слушаю, будто и не обо мне говорят. Всё впустую, мыслями не здесь. Да и вправду не про меня это, не в первой мне смерть-то чуют.

– Вы сами-то себе верите, Евдора? – зло так хмыкнул магистр. – Вижу, что не верите. И домовой перед смертью себя скрыть не смог, я его слова ясно слышал. Он Весению вестником назвал. Учитывая обстоятельства, мне только один вестник на ум приходит.

– Да неужто вы в байки народные верите? – зашла с другого боку Евдора.

– А не вы ли три дня назад голубку белую приняли и с посланием отправили? – пропыхтел магистр, притомился, видать, меня тащивши.

– То силы природные, по каждую смерть голубка нарождается, – тихо так проговорила матушка.

– А когда смертей много впереди, приходит вестник бескрылый о двух ногах. И это не мои слова, это строки из писания предков, – как обрубил маг. – И, насколько я помню, голубка, смерть несущая, как раз ведьмой в писании представляется.

Тут меня и затрясло, зубы заскрежетали, внутри совсем холодно стало, а сердечко то и остановилось. Замерло, а потом как пустится зайцем. Застонала, заворочалась, вырваться пытаюсь, а не пускают. Ии нет понимания, а рвётся что-то во мне, от мага дальше, от школы этой.

– Ты чего говоришь, мужик безголовый, девочка же слышит всё! – взъелась на Дарлата матушка Евдора.

– Да понимаю я всё. Но и вы меня поймите... дверь откройте... если вестник смерти народился, значит грядёт множество смертей, а тут ещё и погань какая-то в школе завелась. Да и война с дальицами на новый виток пошла. И что делать прикажете? Скрою, потом хуже будет.

И положил меня на кровать мягкую. Я скрутилась, коленки поджала и забылась тут же сном, так измоталась. И взъерепенилась бы, да сил не осталось.

– Весения, просыпайтесь, – принялся требовать меня за плечо кто-то.

Я глаза разомкнула, поглядела и как закричу. Вскочила, чего было из тряпья рядом, на себя потянула. Огляделась, поняла, что платье на мне, и уgomонилась немного.

А он стоит надо мной, смотрит и будто ждёт чего-то. По сторонам глядь – не моя спаленка. Это как же меня так сподобило-то?

– Ах ты ж злыдень магический! Да как тебя не разорвёт-то, поганца срамного?! Чего смотришь, пакость столишная? Ишь чего удумал! Магией своей поганой меня куда заволок! – заголосила да завывала я, на магистра этого постылого глядячи.

Это ж надо так осрамиться! Только из дома батькиного да и сразу в чужие постели. Позор-то какой!

– Весения, вы помните, что произошло этой ночью? – пугливо как-то испросил маг рас-треклятый.

– Да уж ты, окаянный, озаботился, чтобы запомнела, – взывала я, в тряпки кутаясь.

– Так, всё ясно, не помнит, – изрёк шельмец этот магический, и из спаленки высочил.

Ой горе мне! Теперь мне в родную слободку точно путь заказан, грязную девку батюшка в дом не примет. За голову схватилась и завывала волчицей раненой.

Тут и матушка Евдора подросла, принялась увещевать да клясться, что ничего пакостного магистр со мной не сотворил. Рассказа как мне поплохело по дороге к спаленке, да как они меня все вместе, с ведьмой-целительницей выхаживали.

– А с чего поплохело-то? – не поняла я.

– Видать переволновалась, – отвела очи матушка.

Ой не чисто, чую, но с матушкой мне вздорить не с руки. Да и не попустит она сраму, бабушка добрая. Так и свела она меня в спаленку знакомую, уложила, да спать велела. И чего поесть принести обещала.

А мне сон не идёт, соседки мои уже убежали, одна лежу, маюсь. Полежала, да и встала. Из комнаты вышла, прихватив одежду чистую, припомнила слова Перлы, да и пошла искать умывальню-то. Нашла, ополоснулась водой студёной, растёрлась до красна и обратно. Причесалась гребнем, матерью дарёным, косу заплела тугую, платье ненавистное чёрное одела, встала у окна, на солнышке утреннем погреться, глаза закрыла и в память окунулась. Все наущения матушкины припомнила, грамоту да речи красивые. Довольно с меня! Не позволю больше так с собой играть! Коли приняли на обучение, так пусть и обучают, а не крутят чего-то с силой моей. Неудобная им моя сила, так пускай научат как угодить.

Так меня и застала Марса, у окна да с мыслями сердитыми.

– О, так ты не спишь, – удивилась она. – А матушка Евдора велела поесть вот тебе принести.

Показала она мне блюдо, тряпицей накрытое.

– Не оголодала ещё, – буркнула я. – Веди лучше к матушке, разговор у меня к ней. Или к магистру сразу.

– Какая ты скорая, – улыбнулась Марса. – К магистру просто так с разговорами не ходят. А матушка сейчас как раз у него. Заняты они, дела школьные обсуждают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.